

**ВИКТОР
БЫЧКОВ**

ВЕЗУНЧИК

Виктор Бычков

Везунчик

«Accent Graphics communications»

2012

Бычков В. Н.

Везунчик / В. Н. Бычков — «Accent Graphics communications»,
2012

Эта книга о двадцатидвухлетнем Антоне Щербиче – полицае, старосте деревни Борки, что расположилась на границе России и Белоруссии. Он жил среди нас, безумно любил свою Родину, но стал предателем. Что двигало им, что заставило стать изменником Родины, пойти против своих земляков, против страны? Что чувствовал он, о чём думал, как поступал? Ответы Вы найдёте в романе «Везунчик».

© Бычков В. Н., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	44
Глава шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Бычков

Везунчик

Часть первая

Глава первая

По глухой лесной дороге, что петляет вдоль невесты как образовавшегося посреди леса болота, бредет уставший, грязный, заросший многодневной щетиной человек выше среднего роста, широкий в плечах, в изодранных на коленях штанах, в пиджаке на голое тело, с копной давно нечесанных и нестриженных волос. На вид ему можно было дать лет под пятьдесят, если не обращать внимания на глаза. А они смотрят зорко, молодо, да и кожа вокруг чистая, без морщин. За плечами – объемистый тугой вещевой мешок армейского образца, на ногах – кирзовые сапоги. Судя по тому, что идет он ровно, не наклоняясь вперед, можно предположить, что ноша его не тяжелая, и нести ее труда особого не представляет. Из-за пояса выглядывает рукоятка пистолета ТТ.

Как бы ни был уставшим, однако ступает на мягкую лесную дорогу почти бесшумно, стараясь не создавать не нужных ему лишних звуков. Человек, судя по всему, не хочет привлекать к себе внимания кого бы то ни было. Часто останавливается, прислушивается, повернув голову то в одну, то в другую сторону, сжимая в руках увесистую, метра в полтора, палку, больше похожую на кол.

Полуденное августовское солнце достает лучами путника: то и дело вытаскивает из кармана пиджака грязную тряпку, бывшую, по-видимому, когда-то носовым платком, вытирает с лица, с груди обильный пот, что выступает на нем крупными каплями. И снова продолжает идти, чутко прислушиваясь к лесной жизни. Ни вдруг перебежавшая дорогу белка, ни застучавший по дереву дятел не пугают. Да его вообще не пугают птицы и звери – он боится повстречать в лесу людей. Именно от них и прячется, выбрав себе сознательно эту глухую лесную дорогу. Но идет по ней уверенно, не останавливается на развилках-просеках, что может говорить о том, что местность для него знакома и не раз им хожена.

Что-то вдруг насторожило человека: он резко метнулся в сторону, присел за высокой сосной, потом прилег, предварительно сняв с плеч котомку, и положил ее себе под грудь. Стал следить за сорокой, что так тревожно щебетала чуть впереди слева, как раз над кромкой воды, что подступала почти к самой дороге. Затаил дыхание, зорко всматриваясь в то место, почувствовал там какое-то шевеление, а потом и услышал булькающие звуки – так мог шуметь только человек! В этом не было никакого сомнения. Путник замер, стараясь не обнаружить себя, не привлечь к себе внимания не в меру любопытной птицы. В этом своем грязном одеянии почти слился с местностью, стал ее частью, больше похожей на кусок ствола какого-то упавшего дерева, чем живого человека. Даже закрыл глаза, но уши доносили до него всю информацию, все, что происходило вокруг. Вот на помощь первой сороке прилетела еще одна, и они вдвоем подняли гвалт почти на весь лес. Тот человек, видно тоже не хотел обнаружить своего присутствия, и сначала молча бросил палкой в птиц, но добился обратного результата: это был уже не гвалт, а настоящий крик, который устроили сороки.

– Кыш, твари! – раздался приглушенный мужской голос.

Наш путник немножко осмелел, ободренный такой неосмотрительностью незнакомца, встал на колени за деревом, и увидел метрах в двадцати от себя военного, в изодранной гимнастерке, с сорванными петлицами. Он набирал воду во фляжку, рядом, на траве, лежал немец-

кий автомат. Путник определил, что это красноармеец, и быстрее, какой-то командир. Раненая, распухшая до синевы левая рука, висела на подвязанной через шею грязной тряпке. Военный перестал обращать внимания на птиц, с трудом поднялся, сунул подмышку фляжку, взял здоровой рукой автомат, и, с усилием переставляя ноги, побрел через дорогу в сторону притаившегося путника. Человек мгновенно лег, весь подобрался, медленно просунул руку вдоль тела к правой ноге, нащупал в сапоге нож, и также медленно подтянул руку с ножом к лицу, изготовился к прыжку. Однако военный остановился метрах в пяти, стал оглядываться вокруг, и, видимо, поняв, что пошел немножко не туда, направился в сторону.

Человек перевел дыхание, также медленно положил нож в сапог, на обратном пути достал из кармана пиджака тряпку, вытер со лба холодный пот. В голове начала пульсировать одна навязчивая мысль: этого военного он где-то видел в той, еще мирной жизни, и ни как не мог вспомнить – кто это и где они встречались. А что это так, сомнений у нашего незнакомца становилось все меньше и меньше, по мере того, как тайком, от дерева к дереву, пробирался за раненым. Вот военный остановился, то ли почувствовав на себе чужой взгляд, то ли его что-то другое вспугнуло его, и он прижался к стволу березы, спрятав за собой автомат, и его не стало видно. Человек тоже замер за густым кустом шиповника, затаил дыхание, но продолжал внимательно прислушиваться к тишине леса.

Военный отпрянул от березы, став к незнакомцу боком, и в это мгновение путник понял, узнал в нем своего однокашника, соседа Лосева Леонида Михайловича! Нет, он не ошибся – это был Ленья Лосев! Еще за год до войны он поступил в военное училище, и поговаривали, что служил где-то под Брестом.

Встреча была бы нежелательной, тем более – с Леней. Это понимал незнакомец, и еще сильнее вжался в траву. Однако вот теперь любопытство брало верх над его осторожностью, и он продолжил свой путь за Лосевым. А тот опустился вдруг на колени, и что-то начал кому-то говорить. Что и кому – видно и слышно не было, пока человек не подполз к сломанной лещине, что находилась метрах в двадцати-тридцати от Лосева. Дерево было сломано на высоте не более метра, ствол продолжал лежать на пеньке, поросшим лишайником. Это позволило незнакомцу присесть на колени, и спокойно наблюдать за Леонидом, не боясь быть замеченным.

На земле, у сосны лежал еще один человек в такой же грязной, изодранной военной форме. Заросшее поседевшей щетиной лицо не позволяло человеку определить возраст военного, но то, что он был старше Леонида, было видно сразу. Вот Лосев взял здоровой рукой и приподнял своего напарника, положил его голову себе на колени, и начал поить водой. Судя по всему, состояние последнего было тяжелым, а возможно даже он был без сознания, так как не мог глотать воду, и она стекала из его рта на грудь. Это хорошо было видно человеку из своего укрытия. У него даже в какой-то момент появилось чувство сострадания, жалости к своему соседу, его напарнику, и он решал, как себя лучше обнаружить, чтобы прийти им на помощь. Но, поразмыслив немного, решил отказаться от своего желания, понимая, что ему придется объясняться с Леней. А это ну ни как не входило в его планы.

Тем временем Лосев повесил автомат на шею, повернул раненого лицом к себе, и стал приподнимать его правой рукой на свое плечо. Это у него не получалось, слышно было, как бранился, но упорно продолжал пристраивать на свои плечи напарника.

Наконец, ему это удалось, и он начал подниматься со своей необычной ношей. Несколько раз падал на колени обратно, но всегда старался не уронить свой груз, снова и снова вставая в полный рост. Наконец, выпрямился, ухватился рукой за ствол сосны, постоял так немножко, привыкая к своему новому положению, оттолкнулся от дерева и медленно, пошатываясь из стороны в сторону, пошел, неся на себе раненого.

Человек не сделал и попытки последовать за ним, понимая, что его сосед и одноклассник пробирается туда же, куда и он – к себе домой в деревню Борки, а это еще почти десять километров. Продолжал стоять на коленях, соображая – что делать ему в этом случае. То, что

его Леня не видел – это факт. В то же время, если ему удастся все-таки дойти с раненым до деревни, то встречи когда-нибудь им не избежать. Вот тогда то и последуют вопросы, на которые надо будет отвечать. А этого не хотелось бы. Значит, надо принимать решение, притом вот сейчас, быстро, пока они еще не очень далеко, и их можно догнать.

Не вставая, накинута на плечи лямки вещевого мешка, встал, опираясь на кол, огляделся вокруг, внимательно прислушиваясь, и решительно направился вслед своим случайным попутчикам. Шел крадучись, обходя кусты и ветки, стараясь не создавать шума. На просеку выходить поостерегся, зная, что сейчас она выведет к проселочной дороге, что идет прямо в деревню с красивым названием Вишенка, где можно встретить людей. Вряд ли и Лосев пойдет туда, не проверив, не оценив обстановку. Но и дойти ему с раненым до Борков без помощи в Вишенке не получится. Значит, подумал человек, Леонид где-то здесь, выжидает. В какой-то момент путник потерял бдительность: ветка под ногами предательски треснула, в ту же секунду он увидел Лосева, который наблюдал за ним из-за ствола дерева. На какое-то мгновение глаза их встретились, и человеку показалось, что Леня узнал преследователя: знакомая ироничная ухмылка пробежала по лицу соседа, он вжался спиной в ствол сосны, подтянул к себе автомат. Раненого видно не было. Человек метнулся за дерево, достал пистолет. Фактор внезапно-сти потерян, таиться больше нечего. Вскинул оружие, прицелился в голову, чтоб наверняка, и выстрелил. То ли поторопился, то ли еще не очень привык стрелять в людей, но пуля попала в левое, раненое плечо Лосева, которое выглядывало из-за ствола дерева. В ответ тут же раздалась автоматная очередь, пули засвистели над головой, защелкали по веткам. Одна все-таки попала в вещевой мешок, и человек дернулся от ее удара, и тут же упал на землю. Быть убитым на пороге собственного дома не входило в его планы, и он бросился в чашу, подальше от дороги, от деревни, в которой наверняка слышали эту перестрелку. Бежал долго, около часа, пока хватило сил. Но бежал не лишь бы куда, а твердо выдерживая направление, противоположное заходящему солнцу – домой.

Больше не боялся оставить следы, не скрывался, не прислушивался к лесу, а пробирался напролом, отбросив в сторону всякую осторожность Антон Степанович Щербич, двадцатидвухлетний житель деревни Борки. Уже несколько раз корил себя за свое необдуманное решение, за преследование Лосева, за стрельбу. Как все было хорошо до этого дня, без сбоев, без шума. А около дома опростоволосился. Непростительная ошибка! Зарекся на будущее не поддаваться эмоциям, а думать и еще раз думать. Такая тактика не подводила его вот уже почти два месяца, как он пробирается из-под Бреста, где их пассажирский поезд разбомбили немецкие самолеты утром, двадцать второго июня.

Накануне, в субботу вечером двадцать первого июня он сел на этот поезд в Бобруйске, и поехал в гости к своей сестре, что была замужем за офицером – пограничником и жила в Бресте. До города не доехали, поезд стоял в чистом поле, где его остановили немецкие самолеты. Люди спали, когда первые бомбы разорвались вокруг состава, а потом начали взрываться вагоны. Антон лежал на верхней полке, откуда его сбросило взрывной волной. Паника парализовала людей: все метнулись из вагона, побросав вещи, выбегали в поле. Однако он не стал убегать, а трезво рассудил, что другой такой возможности не будет. Еще с вечера он приметил своих соседей, мужа и жену, что ехали на нижних полках. Они часто доставали свои чемоданы, набитые добром, ковырялись в них, вытаскивая то одно, то другое. Антон хорошо это видел сверху.

Схватив два чемодана, выскочил из вагона и побежал подальше от состава, в поле. Упал в борозду, где уже лежал солдат с вещевым мешком за спиной. Вжался в землю, наблюдал, как бежали, орали люди, стонали раненые, искали друг друга потерявшиеся родные. Паровоз уже валялся под насыпью, из него вылетал пар, который окутывал собой все окрест, смешиваясь с дымом горевших вагонов. Почему-то не чувствовал страха, был твердо уверен, что с ним ничего плохого не произойдет. Понимал, что это война, что это горе, но считал, что это к нему

не относится, будут страдать другие, но не он. А сейчас просто сожалел, что не посмотрел в других купе, наверняка там были оставлены хорошие вещи.

Самолеты улетели, и люди стали возвращаться к тому, что только что называлось пассажирским поездом.

Антон оставил чемоданы в борозде, и присоединился к солдату, который направился к составу. Появившийся откуда-то одиночный самолет прошелся пулеметной очередью и скрылся вслед улетевающим. Шедший на шаг впереди солдатик вдруг обмяк и рухнул на землю – пуля попала точно в голову, и снесла пол черепа. Антон остановился, как вкопанный, пораженный тем, что смерть прошла рядом с ним,дохнула на него, напомнив ему, что не надо спешить, а надо всегда все обдумать, а только потом делать. Именно осознание вот этой истины поразило парня, а не первая смерть человека у него на глазах. И еще сразу понял, что теперь ему не надо держаться толпы, скопления людей, по крайней мере, днем, а передвигаться одному. Так будет безопасней.

Он вернулся к чемоданам, вскрыл их и начал по хозяйски осматривать вещи. В одном была мужская и женская одежда: брюки, рубашки, платья, платки и косынки, нижнее белье. В кармане брюк нащупал пакетик с украшениями: бусы, сережки, запонки. В пиджаке во внутреннем кармане лежали деньги. В другом чемодане были продукты: сало, небольшой кусок колбасы, хлеб, бутылка какого-то вина. Перед Антоном встал вопрос: в чем все это нести? Чемоданы не подходили по определению, в первую очередь из-за неудобства – их нести – руки постоянно будут заняты. Его взор наткнулся на лежавшего рядом убитого солдата.

– Вот и выход, главное – не спешить, – рассудительно заметил сам себе Антон. – Не спеши, и все решишь.

Снял с солдатской спины вещевой мешок, посмотрел на труп, перевернул его, вырвал пуговицы на карманах гимнастерки, достал документы, долго всматривался в фотографию девушки, что лежала в книжке красноармейца. Расстегнул ремешок с часами на руке убитого – они показывали пять часов утра.

– Извини, друг, они тебе больше не нужны, – усмешка коснулась краешка губ парня.

Бросив документы прямо на грудь солдату, забрал вещмешок и направился к чемоданам. Там развязал его, вытряхнул содержимое на землю. Белье, мыло выбрасывать не стал, а затолкал обратно вместе с новыми солдатскими сапогами, портянками, полотенцем, здраво рассудив, что все это в военное время пригодится. С недоумением посмотрел в сторону убитого солдатика – тот лежал в обмотках.

– Вот чудило – сапоги берег, и не сносил. А зачем, спрашивается, берег, и сам не знал, а теперь-то точно не узнает, – усмешка еще раз пробежала по его лицу.

Сложив все в вещевой мешок, перекинул его к себе на плечо, направился к составу.

Прибывшие откуда-то военные и гражданские стаскивали трупы пассажиров в одно место. Часть людей пошла в сторону Бреста, а основная – в обратную дорогу – на Бобруйск.

Антон решил возвращаться домой и шел последним, стараясь не подходить близко к людям, опасаясь налета самолетов. Дважды в тот день их колонна попадала под обстрел с воздуха, и каждый раз успевал укрыться, и остаться целым и невредимым. Ему вдруг вспомнились слова, что сказала когда-то цыганка о везении Антону по жизни.

Все началось с самого рождения, когда он появился на свет чуть раньше своего брата минут на пять. Родившийся позже его брат-близняшка долго не прожил – умер на второй день. А Антон выжил, остался. И когда ему исполнилось лет семь или восемь, на колхозном рынке в Бобруйске цыганка гадала матери, и, глядя на стоящего рядом ребенка, сказала:

– Твоему сыну повезло с первого дня, должно теперь вести всю жизнь, потому что к его ангелу-хранителю добавился ангел-хранитель и умершего брата. Везунчик ты, мальчик, у тебя сейчас два ангела-хранителя, и они тебя будут охранять всегда, – сказала цыганка, коснувшись рукой головы ребенка.

И правда, теперь ему уже двадцать два года, он вспоминает детство, юность, и приходит к выводу, что цыганка права. Сколько было примеров, когда, казалось бы, должно обязательно последовать что-нибудь плохое, страшное – а обходилось, или случалось, но не с ним. Даже сегодняшний случай: сколько людей погибло с поезда, а он хоть бы что. Или с солдатиком: шагнул Антон на метр вперед, и, кто знает, лежал бы он с разбитой головой, а не служивый. Однако парень не хочет слепо полагаться на везение, и решает для себя раз и навсегда сначала думать, а потом принимать решения и действовать.

Чем дальше уходил от разбитого поезда, тем больше становился поток беженцев, и все труднее было Антону вырваться из этой людской массы и идти одному. В конце концов, он решил извлечь из этого пользу для себя. Его совершенно не трогали и не волновали трупы убитых вдоль дороги, крики и стоны раненых, рев скота, полагая, что на всех жалости не напаешься, а по сему, пускай все идет так как идет. Один он что-нибудь изменить не в силах.

Здорово рассудив, пришел к выводу, что, покидая свои дома, люди взяли с собой самое дорогое, самое ценное. Поняв это, стал приглядываться к беженцам, определяя их достаток, сразу исключив из поля зрения колхозников, тем самым, сузив круг поиска.

К концу первого дня, когда уставшая людская колонна вошла в какую-то деревушку, что раскинулась вдоль дороги на их пути, Антон уже выбрал себе жертву – это была молодая женщина, лет двадцатипяти, с девочкой годика три, четыре. Где они присоединились к ним, он не знал, не заметил, но обратил на них внимание в последние час или два. Женщина была неосмотрительно одета в дорогое, цветастое платье, с сережками в ушах, с обручальным кольцом и перстнем на руках. Она несла с собой чемодан, но не фибровый, а какой-то дорогой, с блестящей в лучах заходящего солнца кожей. Таких чемоданов Антон отродясь не видел.

Девочка капризничала, отказывалась идти, а то и вообще несколько раз садилась прямо на дорогу. Женщина то вела ребенка за руку, то несла ее на плечах, перекидывая чемодан с одной руки в другую, а то и просто плакала, стоя над сидящей на дороге дочерью.

– Давайте, я вам помогу, – Антон догнал женщину, и улыбнулся ей мягко и доверчиво. – Таким темпом вы далеко не уйдете. Хотите – я понесу девочку, или чемодан.

– Вот спасибо вам, добрый человек, – устало ответила женщина. – Я уже сама готова была сесть посреди дороги. Капа, иди к маме на руки. Дядя поможет нам.

Антон взял чемодан, а женщина посадила себе на шею дочь, и они двинулись дальше вместе с такими же горемыками.

– Я из Бобруйска ехал к сестре в Брест, – доверительно начал попутчик. – Она замужем за военным. Живут там, в Бресте. Или уже лучше сказать – жили там. Потому что не известно, что с ними. Наш состав разбомбили, и я не доехал.

– Так и мы ехали в этом же поезде, только из Москвы к папе нашему, – стала рассказывать женщина. – Он у нас начальник заставы. Господи, что с ним? Слухи один страшнее другого. Не знаешь, кому верить. А что с нами будет?

Антон еще несколькими фразами поддержал разговор, и замолчал, приноравливаясь к ходьбе попутчицы, которая несла уснувшую дочку на руках. По весу чемодана уже прикинул, что там есть что-то стоящее, да и украшения на женщине не давали ему покоя.

В деревню вошли вместе, и стали подыскивать место на ночлег. Устроились за домом, в сарае, куда хозяин бросил несколько охапок прошлогодней соломы.

Девочка уснула на руках у матери, которая тоже спала полусидя, прижавшись спиной к чемодану. Антон пристроил себе под голову вещмешок в другом углу сарая, лежал, выжидая время. Слышны были взрывы, голоса людей, что продолжали идти и идти на восток, в сторону Бобруйска. Листва в саду на деревьях отдавала серебром при лунном свете.

Щербич вытянул свою ногу, как бы нечаянно задел ногу женщины, проверяя, спит она или нет. Она даже не пошевелилась. Тогда Антон начал медленно, потихоньку, стараясь не шуршать соломой, продвигаться к попутчицам. Вот он пристроился к ним сбоку, принял удоб-

ное положение, резко, сильно левой рукой закрыл женщине рот, а правой – стал давить ее за горло. Она рванулась, схватила своими руками руки Антона, но хватка ее с каждой секундой становилась все слабее и слабее. Наконец, дернувшись, она застыла. Девочка упала с матери, и начала хныкать. Антон, не раздумывая, проделал с ней тоже, что и с ее мамой. Убедившись, что все тихо, надел на плечи вещевой мешок, присел к женщине и стал снимать с нее драгоценности. Управившись с этим, выдернул чемодан из-под убитой, подошел к дверному проему. Вспомнил, что на руке у беженки были красивые часики, вернулся, долго провозился с незнакомой застежкой на браслете, наконец, снял их, сунул себе в карман, и пошел на выход. Во дворе не было ни кого, только по дороге продолжали идти беженцы. Антон не стал выходить через двор, пошел по огороду к забору, переставил через плетень чемодан, затем – перелез сам, и уже через минуту шагнул в общем потоке беженцев в сторону Бобруйска.

Сразу за деревней, слева и справа густой, темной стеной стоял лес. То в одном, то в другом месте горели небольшие костерки, на которых кто-то что-то разогревал, слышны были приглушенные людские голоса, детский плач. Сзади, за спиной не прекращались взрывы. В какой-то момент Антону показалось, что он слышит взрывы и впереди, оттуда, куда он идет. Но не стал в этом разбираться, а решал, куда ему можно отойти, укрыться от людей, спрятаться, разобрать чемодан, и избавиться от него.

При лунном свете увидел небольшую тропинку слева, что уходила вглубь леса. Не раздумывая, направился туда, и прошел по ней долго, около часа. Наконец, нашел себе укромное местечко в кустах шиповника, положил под голову вещевой мешок, и уснул сном человека, добросовестно сделавшего свое дело. Его не пугали звери, он их не боялся. Сейчас боялся людей. А по его подсчетам, здесь их нет и быть не может.

Когда рано утром Антон опять шел по шоссе, у него за спиной висел туго набитый вещевой мешок, а в руках – похожая на кол крепкая палка.

Потом он потерял счет дням, числам. В котомку уже больше ни чего не лезло, потому что он пополнял ее почти ежедневно, и ему пришлось остановиться в лесу, уединиться, что бы сделать ревизию. Мешок не тяготил хозяина, а, напротив, грел душу, особенно тряпичный пояс с золотом и драгоценностями, что висит на его крепком, мускулистом теле, возвышая его в собственных глазах по сравнению с бредущими неведомо куда людьми. Он то точно знает, что ему надо и куда он идет!

Несколько раз ему пришлось встретиться с немецкими солдатами, что обгоняли его на своих машинах, спешащих к Бобруйску, откуда все сильнее и громче доносилась канонада. Они показывали на беженцев пальцами, смеялись, бросали в них мусор, пустые бутылки. Особенно запомнилась одна встреча, которая круто изменила планы Антона.

В тот день он обходил стороной населенный пункт с незамысловатым названием Глуша. К этому времени невымытый, заросший Щербич уже мало напоминал того, крепкого, молодого человека, что был в первые дни войны. Износились его ботинки, он заменил их на снятые с одного мужика под Слуцком хорошие яловые сапоги, растрепались вторые по счету штаны, высохло, обветрилось лицо, и только глаза остались те же – внимательные, зоркие.

Выскачившие из крытой машины немецкие солдаты остановили толпу беженцев у кустарника, метрах в ста от леса. Антон шел сзади, немножко поотстав от основной людской массы. Он пригнулся, и резко метнулся в кусты, что стояли у дороги. Однако его заметили, и краем глаз он видел, как вслед ему бросился солдат с винтовкой в руках.

– Halt! – закричал немец, и вскинул винтовку. Но Щербич не остановился, а еще сильнее поднажал подалее в кусты. Раздался выстрел, и прямо перед ним упала срезанная пулей ветка. Это подействовало, и Антон повернулся лицом к преследователю. А тот стоял вначале кустарника, и манил к себе беглеца пальцем.

– Кот, кот, – довольная улыбка сияла на его лице.

В ответ парень вымучил из себя жалкую, виноватую гримасу, пошел к немцу, не переставая лепетать:

– Пан, пан, я не понял сразу, испугался, – он то поднимал руки вверх, то прикладывал их к своей груди, кланялся, всем своим видом показывая полное подобострастие и уважение к такому хорошему человеку как этот солдат.

Когда Антон подошел к немцу вплотную, тот движением руки потребовал снять вещевой мешок. Он подчинился, и поставил котомку к ногам солдата. Немец посмотрел на грязные, порепанные руки пленника, его лицо такое же грязное, отвратительное, брезгливо поморщился, и нагнулся сам развязать мешок. В это мгновение Антон резко ударил его ребром ладони по шее, и солдат осунулся к ногам. Выхватив из рук упавшего врага винтовку, он с силой вогнал ему в спину штык. Не глядя по сторонам, с вещевым мешком в руках, пригнувшись, пустился к лесу, который манил его своей чашей. Немцы хватились его слишком поздно: поднятая ими стрельба уже не могла причинить вреда Антону, который бежал назад, туда, откуда он только что пришел, понимая, что если они кинутся его преследовать, то будут искать в другой стороне.

– Вот гад так гад! – возмущению беглеца не было предела. – Добро мое ему надо, видите ли, паскуда! – бормотал он себе по нос. – Если ты за этим сюда приперся, то плохи твои дела, немец. Тут таких хватов и без тебя предостаточно. Иди лучше воюй, а не потроши чужие сумки! Тебе за это, небось, деньжищи хорошие платят, да кормят и одевают.

С этого дня Антон избегал хороших дорог, беженцев, немцев и русских: все они представляли для него опасность. Он выбрал для себя глухие проселочные дороги, тропы, лесные просеки, где встреча с любыми людьми сводилась к минимуму. И эта тактика приносила свои плоды: длительное время ему удавалось оставаться одному, неуловимым, невидимым для посторонних глаз, хотя темп продвижения его замедлился. Он начал дичать, зарос, перестал за собой ухаживать, и превратился в злое, осторожное, опасное существо, поставившее себе цель дойти до дома и донести туда же вещи и драгоценности любой ценой. Угнетало лишь то, что пополнять свои запасы возможностей больше не было. Да и с кормежкой было не так просто, как хотелось: частенько оставался голодным, пока не придумал безопасный, но верный способ как добывать себе еду.

Наткнувшись на какую-нибудь глухую лесную деревеньку, он мог часами, а то и сутками наблюдать за ней, определяя для себя степень опасности, шанс добыть пищу, и только после этого в сумерках заходил в выбранную им хату и молча набирал себе продукты. Если хозяева не сопротивлялись, то отделялись несколькими ударами в лицо. Но горе тому, кто вставал на его пути: тогда в ход вступал нож – тут уже пощады не было никому.

Часто попадались красноармейцы, которые группами или в одиночку пробирались к своим, на восток. Антон избегал и их, обходя обнаруженные где-нибудь в лесу стоянку, или привал военных.

Однажды ближе к вечеру, когда он тихо, осторожно пробирался по лесной тропинке, услышал вдруг человеческий стон, всхлипывание, доносившиеся из леса. Антон остановился, напряг все свое внимание, и, как зверь, бесшумно пополз на звук. На полянке, прислонившись к стволу дерева, сидел раненый офицер. Он был один. В этом убедился Антон, наблюдая за ним около часа. Несколько раз военный приставлял себе к виску пистолет, и каждый раз опускал его обратно. Потом то ли засыпал, то ли терял сознание: голова его падала на грудь, и он замирал на некоторое время. Вот и сейчас он поднял пистолет, и тут же опустил его снова. Через мгновения до слуха Антона донеслось всхлипывание и плач этого взрослого раненого мужчины: он скрежетал зубами, греб пальцами рук траву, размазывал кулаками слезы, запрокинув голову вверх, к небу. Он уже не плакал, а выл от боли, от бессилия, оттого, что не хватает мужества нажать курок.

Когда он увидел перед собой Антона с его пистолетом в руках, испуг и отчаяние на лице офицера сменились надеждой, пока еще робкой, но надеждой на то, что он спасен, ему поможет вот этот странный, заросший человек! Свои своих в беде не оставляют, он это знает точно. Этому его учили с детства. А то, что возникший перед ним человек свой, военный не сомневался. Однако Антон повел себя совершенно не так, как ожидал офицер: он засунул пистолет себе за пояс, и хриплым голосом произнес:

– Подохнешь и так. Незачем зря пулю тратить, да и лишнего шума не надо, – повернулся спиной к раненому, и растворился в лесу как призрак. Ему было нужно компактное, не громоздкое оружие, и он его добыл.

Глава вторая

Он знал, что Бобруйск уже давно занят немцами, и решил обходить его стороной, слева, пройти вдоль речки Березины, и по ходу, на месте найти какую-то возможность переправиться на тот берег. Потому что идти через город, и переходить реку через мост – это безумие, тем более, что до дома оставалось каких-то тридцать километров.

Оставив город далеко в стороне, Антон вышел на правый, высокий берег Березины ранним утром, когда еще солнце только-только показалось из-за леса с противоположного берега. Сверху ему хорошо было видно, как пронизывали небесный свод первые лучи, как бежали они по верхушкам деревьев, и как достигли правого берега, разогнав оставшуюся с ночи мглу, обогрев продрогшего путника. Он лежал над обрывом, в траве, и внимательно оглядывал все окрест, определяя для себя возможное место переправы. Чуть вверх по течению река изгибалась, казалась немножко суженой, не такой широкой, как справа, или прямо под ним. Тем более, этот берег в том месте позволял незаметно спуститься к реке, спрятаться в камышах и зарослях аира, что тянулись вдоль на большое расстояние. И противоположный берег сразу же мог укрыть в себе не одну сотню людей в своих густых высоких кустах лозы, олешиника, переходящих в подлесок, а затем и соединившихся с лесом. Да и с камыша можно было легко соорудить для себя и для вещей не плохой плотик.

На день путник решил отлежаться в лесу, отдохнуть от ночного перехода, а вечером приступить к осуществлению своего замысла. Он уже начал передвигаться к месту отдыха по пшеничному полю, что отделяло лес от реки, как вдруг увидел чуть правее выходящих из леса красноармейцев. Они шли организованно, строем, к тому месту на берегу, что Антон определил себе для переправы. Он мгновенно упал, и быстро-быстро пополз в сторону поля с высокой рожью, что стояла по соседству с пшеницей. Перемахнув межу, отделяющую эти два поля, Антон пополз в глубь ржи, благо, высокая, она давала возможность это делать незаметно. Остановившись, нарвал горсть стеблей с колосьями, выглянул из-за них, как из засады, из-за укрытия.

Первые шеренги солдат уже спускались к реке, исчезали под обрывом, уходя из поля зрения Антона, а из леса продолжали и продолжали выходить красноармейцы. Видимо, это место военные, выходящие из окружения, тоже выбрали для переправы немного раньше его, и спешили это сделать не мешкая – сходу, пока еще не начался день, и их передвижение останется незамеченным. Часть солдат рассредоточились вдоль берега и стали окапываться. Быстрее всего, определил для себя Антон, это будет заслон, который должен дать возможность всем переправиться на тот берег в случае преследования их немцами. Все это делалось организованно, без паники, без суеты, со знанием дела.

Прямо над обрывом быстренько вырастали окопные брустверы, которые солдаты маскировали травой, ветками. На крайнем, ближнем к Антону, бруствере окопа, который оборудован на небольшой возвышенности, был установлен пулемет, и двое солдат продолжали укреплять свою огневую точку.

Однако из леса вдруг раздались сначала одиночные выстрелы, а потом и автоматные очереди, а затем, донесся шум машин, взрывы гранат. Вот уже последняя группа солдат исчезла под обрывом, а выстрелы в лесу не прекратились, а, напротив, стали приближаться к реке.

Сначала из леса показалось несколько красноармейцев с винтовками, которые бежали, отстреливаясь на ходу. Один шел, неся на своем плече раненого, двое – тащили за руки и ноги третьего. Два красноармейца, что волокли за собой пулемет «максим», упали в пшеницу, как раз на полдороге к берегу, и сразу же стали стрелять по лесу длинными очередями. Потом и они начали постепенно отползать к реке, а их отступление уже прикрывали бойцы из окопов вдоль берега, открыв отчаянную пальбу по опушке леса.

Первыми вышла немецкая пехота: растянувшись цепью, короткими перебежками, они наступали на окопавшихся красноармейцев прямо по пшеничному полю. В некоторых местах оно уже пылало, подожженное взрывами гранат, что забрасывали немцы окопы оборонявшихся.

Антон находился в стороне, чуть в отдалении от идущих цепью наступающих и обороняющихся. Их бой его почти не касался: ему это было совершенно безразлично, лишь бы ни кто из воюющих не трогал его. В то же время, он хорошо видел и немцев, упорно продвигающихся к переправе, и бойцов, отчаянно ее защищающих.

Из интереса, праздного любопытства, он кинул взгляд на противоположный берег: по кустарнику, по подлеску, мелькали каски красноармейцев, уходящих в лес.

В какой-то момент у него возникло даже чувство зависти к ним: они уже там, на том берегу, а он еще пока здесь, один, на отшибе, и его нет кому прикрывать на переправе. Но он тут же отогнал такие мысли, как крамольные, не укладывающиеся в его теперешний образ жизни.

А тем временем бой продолжался: все реже и реже становились выстрелы из окопов, все больше неподвижных тел немецких солдат оставалось лежать на пшеничном поле. Особенно сильно донимал наступающих пулемет на левом, ближнем к Антону фланге. Удачно расположенный на высотке, он своим огнем не давал немцам поднять головы, тем самым обеспечил своим переправу, а сам, судя по всему, уже не успеет и не сможет присоединиться к однополчанам. В начале боя Антон видел двоих красноармейцев, а сейчас за пулеметом управлялся один, другого не было видно: его напарник то ли убит, то ли уже на той стороне. Немцы брали его в кольцо: по меже, разделяющей ржаное и пшеничное поле, по-пластунски, ползком продвигались два немецких солдата, чтобы оказаться у пулеметчика с фланга. Щербич видел и понял их маневр еще в самом начале, когда они отделились от цепи наступающих, и бросились к меже. Ему достаточно было двух выстрелов из пистолета, и пулеметчик остался бы жив. Но Антону это было совершенно не нужно. Он только молча, со стороны, наблюдал, как выпрыгнул из окопа красноармеец, и быстро-быстро пополз к спасительному обрыву, как с колена, спокойно прицелившись, немец выстрелил в него, как, дернувшись, застыл тот, обняв руками землю.

Побоявшись обнаружить себя, Антон остался в своей спасительной ржи, только отполз немножко в глубь, и собрался отдохнуть, как тут же был удивлен странным поведением немцев: построившимся в две шеренги солдатам на высотке что-то объяснял немецкий офицер, то и дело показывая рукой на труп красноармейца-пулеметчика. Потом, трижды вскинув винтовки к плечу, прогремел салют, и только после этого приступили складывать своих убитых в прибывшие машины.

Этот эпизод так заинтересовал Щербича, что ему захотелось вдруг посмотреть на этого солдата: с чего это ему такие почести?

Вечерело, когда он смог приблизиться к месту боя, подойти к лежащему между окопом и обрывом красноармейцу.

Чистое бледное бескровное лицо, светлые волосы, аккуратно заштопанное обмундирование, обмотки – все говорило о том, что он был в составе какого-то воинского подразделения, которое организовано выходило к своим, не потеряв дисциплины: даже в окружении бойцы поддерживали уставной внешний вид, что редко мог видеть Антон за время своего странствия. Да и организация боя была тому подтверждением. По возрасту – ровесник, лет не более двадцати пяти. И вот сейчас он лежит, обнимая землю, больше ни когда не встанет, не увидит вот эту речку, вечернее небо. Для чего, зачем он тут? Щербичу это не понятно, и он вглядывается в мертвую белизну солдатского лица, пытаясь разобраться – что вызвало уважение к нему со стороны его врагов? Ведь он столько немцев положил, а они ему салютовали. Ну не бред, а? Не факт, что при жизни этот паренек хорошо питался, носил хорошие, дорогие вещи, гулял, пил что хотел, да, возможно, и женщины то не познал. Неужели, для того, что бы тебя уважали,

надо погибнуть вот так? А что толку? Солнце то продолжает светить, но не для него, река продолжает течь, а он не сможет в ней испить воды, да и вообще – жизнь то одна. Зачем ее вот так оставлять, разбрасывать по берегам рек? Нет, он сам хочет жить, и твердо знает, что для уважения надо быть сильным, иметь деньги, много денег, нужна власть над другими, чтобы тебя боялись. А будут бояться – будут уважать. Сколько раз он слышал о защите Родины, своей земли, а что толку, если его не будет? Какая разница вот этому солдату, что он защищал ее? Его то нет, а его Родина вот она – вокруг Антона, и Антон стоит над погибшим бойцом, и видит, что она то осталась, но уже без него – ее защитника. Конечно, он любит свою деревню Борки, любит до безумия, до боли в животе и ни кому ее не отдаст. Но чтобы вот так – лицом в низ и не подняться, нет, это не для него. Надо любить при жизни, и чтобы она тебя любила – любовь должна быть взаимной. Это его деревня, он в ней родился, и он в ней должен прожить долгую богатую, счастливую жизнь. Если бы кто знал, как тянет его в деревню, к ее разлапистым липам с гнездами аистов на верхушках, к речке Деснянке, к камню-валуну на пристани?! Вот эта мечта и ведет сейчас Антона домой, дает ему силы, терпение – он все выдержит, все перенесет, но домой вернется! За время своего похода он столько передумал о деревне, о своем будущем в ней, что ноги сами несут его туда, не взирая ни на какие преграды. Он должен, он обязан дойти, и дойдет, чего бы это ему не стоило! Однако где-то глубоко-глубоко, так глубоко, что он ни в силах определить – где, засела мыслишка после всего увиденного – что не плохо было бы и ему иметь такое уважение со стороны не только друзей, но и врагов, как у этого погибшего на берегу солдата. Но только при жизни – мертвому Антону уважение ни к чему.

А сейчас осталось каких-то несчастных десять километров, и он просчитался, ошибся с этим Лосевым – лучше бы не трогал, а там – как карта ляжет. Хорошо, если Леонид не признал в нем своего соседа, тогда не так уж все и плохо. Путнику понравилась такая мысль, и он решил проверить ее на деле. Для этого ему нужно было зеркало. Он начал перебирать в памяти все вещи, что волок у себя на спине. Зеркала там не было, хотя он помнит, что в чемодане той молодой женщины с девочкой, что остались лежать в сарае под Брестом, было красивое, обрамленное кружевным рисунком зеркальце, но тогда, в лесу, он посчитал, что оно ему ни к чему, и выбросил в речку вместе с чемоданом. А теперь оно бы и пригодилось, но – уже поздно каяться. Человек начал трогать себя за волосы – они были длинные, жесткие. Такая же была и борода, заросшая почти по самые глаза. Он пытался припомнить – когда последний раз умывался, или мыл свое тело, но так сразу и не вспомнил. Нет, под дождем он мок, и это точно. Одежду тоже менял несколько раз, последний – может недели две назад, перед Бобруйском на той стороне Березины. Сначала почувствовал, что все тело стало чесаться, а потом обнаружил у себя вшей. Пришлось раздеться на берегу лесного озера, вот тогда то он и купался, вытряхивал одежду, пытался даже стирать ее, а потом давил по швам паразитов. Они завелись даже и в поясе с драгоценностями: Антон выбросил старый, а приспособил под пояс хороший большой цветастый платок из своего вещевого мешка. В какой-то деревушке снял с забора пиджак и штаны, и в них идет по сей день – хороший костюм из мешка доставать не стал, пожалел. Правда, они уже тоже порвались, но ни чего – до дома осталось немножко, как-нибудь дойдет. А там – банька, чистое белье, крепкий сон, когда не надо прислушиваться, остерегаться, мамин борщ, драники с маслом, или со сметаной! Антон так ярко представил себе это, что у него с новой силой засосало под ложечкой – последние сутки он почти ни чего не ел. И пройтись по деревне – это его мечта! Он так соскучился без ее широких улиц с мягкой теплой пылью, без клеток аистов на липе у их дома, без заполошных криков чибилов на болоте – все такое до боли родное, знакомое с детства. А всего сильнее хотелось прийти на пристань, пройтись по песчаному дну, теплой мелкой воде до камня-волуна, лечь на него и замереть, ни о чем не думать, смотреть, как бегут отраженные в реке облака, как сплывают, догоняя друг друга, мальки.

К действительности его вернул шум машин, что раздавался чуть левее на лесной дороге. Мужчина сразу же пригнулся, припал к земле, привычно растворившись в летнем лесу, и через мгновение уже ни что не могло напоминать о загадочном путнике.

В деревню не стал заходить с западной стороны, а обошел лесом, сделав порядочный крюк, и вышел с востока, со стороны реки Деснянки. Расположился в подлеске, как раз напротив собственного дома: по прямой до него оставалось не более трехсот метров. Долго, до рези в глазах, вглядывался в деревню, вслушивался в звуки, которые доносились оттуда. К его величайшей радости все оставалось таким же, как и было в ту субботу двадцать первого июня, когда он уезжал в Брест к сестре, как будто и не было войны, и он опять вернулся в прошлое – спокойное, тихое, размеренное. Только не было видно колхозных коней, что в такую пору всегда паслись вдоль Деснянки после трудового дня. Смотрел, как через выгон зашло стадо хозяйских коров, и пыль, поднятая ими, нехотя оседала на дорогу. Любовался аистами, что парили над деревней вместе со своими молодыми аистятами, расправив крылья. Даже, как когда-то в детстве, позавидовал им, их умению летать, вот так, не махая крыльями, зависнуть в вышине, плавно кружиться и смотреть, любоваться своей деревней, видеть всех, и быть самым недоступными.

Хорошо знал, что здесь бьет ключ с холодной прозрачной и вкусной водой, а чуть наискосок – и пристань с ее камнем-валуном, куда Антона тянуло все это время, о котором он мечтал, и бредил им эти долгие месяцы. Вот на ключ и на камень вынесли его ноги, чтобы быстрее успокоить истосковавшуюся душу по родным местам.

Наклонился и припал к роднику, пил и из тела уходила усталость, исчезали все трудности, что стояли на его пути домой, а на душе с каждым глотком такой желанной влаги становилось легче – дошел таки!

Но не только это привело его сюда, в подлесок: отсюда ему хорошо наблюдать за деревней, оставаясь незамеченным, да и до дома добираться будет намного спокойней – есть где спрятаться, переждать. Кусты с этой стороны подходят вплотную к реке, к пристани, а от нее – густые заросли липняка, которые соединяются с зарослями акации уже за огородами Щербичей. А там – сад, и вот он, его дом!

Посмотрел на свое отражение в воде – ни дай Бог кому такое страшилище встретить в темном месте – с ума сойдет от ужаса!

Успокоился – Лосев вряд ли мог узнать его тогда, так что страхи, быстрее всего, напрасны. Но остерегаться его все-таки придется – так будет надежней.

Для верности решил дожидаться ночи, что бы наверняка ни кого не встретить – лишние свидетели ему ни к чему. А сейчас снял сапоги и остудил натруженные ноги ключевой водой – чтобы не запачкать ключ, набирал воду в шапку и поливал из нее, шевелил пальцами от холода. На всякий случай отполз от родника в заросли дикого малинника, поближе к реке, и там вздремнул, дожидаясь полуночи.

Часы на руке показывали начало первого ночи, когда Антон ступил в речку, подошел к камню, что темной глыбой выделялся на речной глади, прижался к нему лбом, почувствовав прохладу, что исходила от него, погладил рукой отполированные водой и временем бока, ополоснул лицо, вышел на берег и растворился в липняке.

Пояс с драгоценностями решил спрятать у себя в саду под старой грушей, что росла почти на меже между огородами Щербичей и Лосевых. Мешок с вещами засунул в стожок сена на лужайке за грядками, и от яблони к яблоне стал пробираться к дому. Первым его учуяла собака Лосевых, и подняла такой лай, что к ней присоединились почти все собаки в деревне. Не просто лаяли, а с подвывом, как на лесного зверя, всполошили хозяев – стали слышны хлопанье дверей, людские голоса. Антон метнулся обратно, к реке, бежал через акации, больно царапаясь об ветки. От досады, от злости готов был заплакать – не так он думал прийти домой, не о такой встрече мечтал. Но, привыкший за время скитаний и не к таким передрыгкам, отчаи-

ваться не стал. Собачий лай переждал в кустах, и двинулся опять к своему огороду. На этот раз, чтобы исключить риск, вырыл в стоге сена нору, залез туда, и замер до утра, на всякий случай пистолет положил прямо перед собой.

Разбудили его петухи: перекличка у них началась еще до рассвета, в сумерках. И почти сразу же заскрипел колодезный журавль, застучали двери – деревня пробуждалась, оживала.

Антон слышал, как мама вышла доить корову, как выгоняла из хлева на выпаса, незлобно поругивая ее. Он ждал, что мать появится в огороде, пойдет на грядки, и он ее сможет окликнуть. Так оно и случилось: с ведром и лопатой в руках, она шла по картофельной борозде прямо к стожку сена, в котором прятался ее сын – к завтраку решила накопать и сварить молодой картошки.

Остановилась метрах в десяти, внимательно просматривая ботву, выбирая более зрелый куст.

– Мама, мама! – Антон и сам испугался своего голоса: таким чужим, хриплым он ему показался.

Женщина замерла: ей послышалось, или на самом деле ее звал сын? Она закрутила головой, напряглась, внимательно оглядываясь вокруг. Вот уже более двух месяцев, как он уехал из дома, и до сих пор от него ни слуху, ни духу. Но она твердо была уверена, что с ее сыном, с ее Антошкой ничего не случится. Ведь он у нее везунчик, его охраняют целых два ангела-хранителя! Так нагадала цыганка.

– Мама, я здесь, в стожке сена! – она узнала этот голос, она узнала бы его из тысячи голосов!

Она выронила лопату, ведро, и медленно осела на землю. Потом спохватилась, и, не вставая, на коленях поползла по борозде к стогу, к сыну.

– Антоша, сынулечка, Антоша! – как во сне шептала мать.

– Только не пугайся, – успел предупредить ее сын. – Я заросший, небритый.

Она отыскивала его в норе, нащупала руками, и замерла: от счастья перехватило дыхание, не было сил даже встать на ноги.

– Мама, мама! – Антон гладил ее руками по голове, а слезы бежали из глаз, и терялись в бороде.

– Так это на тебя ночью лаяли собаки? – мама сидела у стога, и держала сына за руку, как будто боясь, что опять потеряет его на долгие месяцы.

– На меня. Лосевская собака первой учуяла.

– А я чувствовала, знала, что это ты, мой сынуля! – мама всхлипывала, не выпуская руку сына. – Каждую ноченьку тебя ждала. В сердце что-то кольнуло, заворошилось, как только залаяли собаки. Я выходила во двор, стояла в саду – я чувствовала! И не ошиблась, слава тебе, Господи! Ну, пошли домой.

– Нет, мама, не могу, – виновато ответил Антон. – Завшивел я. Принеси одежку, а эту я сброшу, да сжечь ее надо. Ты не сказала мне – что в деревне? Спокойно?

– А что с твоей деревней станется? – просто ответила мама. – Красная Армия отступала, так каких мужиков успели забрать, забрали. Остальные дома.

– А немцы? Что немцы? Как они?

– Приезжали несколько раз. Они стоят в соседней деревне, в Слободе. Там же шоссе Москва – Брест. Комендатура у них там. А у нас что? Глушь. Собираются организовать уборочную, да что-то ни как не могут.

– Что слышно про Ленку Лосева? – спросил не просто так, на всякий случай, а специально, чтобы в случае чего мать могла подтвердить, что сын в первый же день спрашивал, интересовался соседом, значит, видеть его раньше ни где не мог.

– Не слышно ничего, – мама тяжело вздохнула. – Отец с матерью переживают, не знают, что и думать. Он же на границе служил, первый на себе войну почувствовал. А выжил или нет – кто знает? Жаль, если что случилось с ним – хороший парень был.

– Да уж – хороший, – непроизвольно вырвалось у Антона.

– Может ты видел аль слышал что о нем? – от матери не ускользнул тон, с которым произнес сын свои слова.

– Откуда? – поспешил развеять мамины сомнения. – Отступающих и погибших, конечно, много видел. Но чтобы кого знакомого – нет. Точно – нет. Ты только пока у меня не спрашивай как я дошел, и что видел. Тяжко все это вспоминать, потом как-нибудь расскажу, когда отдохну. Сейчас бы баньку мне, мама, – просительно закончил он.

– Это я мигом, мигом, – засуетилась мать. – Чего ж это я сижу, дура старая? Сыночка, сынулька мой вернулся, а я тут расселась как сторонняя молодница, уши развесила!

– Мама, мамулечка! Как я рад тебя видеть, слышать тебя! – голос сына дрожал, прерывался от волнения.

Чистый, выбритый, покрасневший после бани Антон сидел в своей родной хате за столом, с улыбкой наблюдал, как бегала вокруг него мама с сияющим, счастливым лицом, то и дело прикасалась к нему, и все норовила поцеловать его, прижать к своей груди.

– А ты ешь, ешь, – все подсовывала поближе отварную молодую картошку в сметане с укропом, малосольные огурчики, сковородку с яичницей. На секунду замирала за столом, положив голову на руки, любовалась сыном, потом опять начинала суетиться, сетовать на себя – как бы чего не забыла выставить на стол.

– Ой, побегу к соседям – поделюсь радостью то своей! – накинула на себя платок и направилась к двери.

– Ну-ка погодь! – вдруг резко, грубо сын остановил мать. – Не время соседей радовать, осмотреться надо, взвесить все, а потом и радоваться. Не те сейчас времена, чтобы открываться перед чужими.

– Да какие ж они чужие? – мама опешила, остановилась на пороге, взирая на сына в недоумении. – Соседи же они! Не бандит же вернулся, а сынуля мой. А может, ты чего боишься? – вдруг осенило ее.

– Еще чего скажешь? – одернул он мать, но поперхнулся, как будто споткнулся его голос, дрогнул. От нее не ускользнуло это, обдав все внутри холодом. Но это было мимолетно, мгновенно, и сердце опять успокоилось, списало волнение сына на его усталость, на те страхи, ужасы, трудности, что пришлось ему перенести по дороге домой.

– Многие сейчас возвращаются, и ни чего с ними, ни кто не боится. Успокойся, Антоша, все будет хорошо – ты же дома, просто отвык от нормальной жизни. – Однако вернулась от дверей, села опять за стол.

– Да разве это нормальная жизнь? – сын смотрел на мать, и его лицо приобрело вдруг чужое, не знакомое ей раньше жесткое, если не жестокое, выражение. – Смертей много, перемены большие вокруг, а ты говоришь – «нормальная жизнь», передразнил он ее.

– Умному человеку сейчас надо извлечь выгоду, пользу со смуты, обдумать все, взвесить, прицениться, а не бросаться сломя голову в омут. А ты говоришь – «побегу порадую, нормальная жизнь»! Кому от этого легче станет, что похвастаешься ты по деревне?

Мама слушала сына, смотрела на него, и ни как не могла взять в толк, понять его слова про выгоду, пользу, как будто говорил не ее сын, а кто-то посторонний, чужой.

– Как же ты изменился, Антон, – участливо, с сожалением произнесла, горестно качая головой. – Горе то вон какое не только у нас, а во всей страны. Тут сплотиться надо, сообща быть, чтобы вынести это, одолеть супостата. На миру и смерть красна – это люди придумали, не я. И радостью своею мне хочется поделиться с соседями, чтобы и они надежду не теряли дожидаться своего Леню.

Я же дождалась, и они пускай надеются. А с ней жить то не так муторно: засыпать и просыпаться смысл появляется – с надеждой то. Потому как горя хватит нам еще с лихвой.

– С чего вдруг у тебя за эту страну сердце болеть стало? – сын наклонился над столом, пытаясь заглянуть матери в глаза. – Не мы ли с тобой свидетели, когда она, страна эта, отобрали у твоего отца, а у моего деда, несколько сот десятин земли? С садами, с мельницей, а винокурный завод чего стоил? А то, что сгинул он на Соловках – это-то как понимать? А я сиротой с детства рос, без отца, которого забрали вслед за дедом. По чужим людям мыкались, это как из памяти выбросить?

Женщина отпрянула от стола, от сыновних глаз, что смотрели на нее совсем не по-родственному, не так как мог и умел смотреть ее Антон – ласково, понимающе. Что-то чужое, злобное, было во взгляде, презрение к ней, своей маме, ко всему тому, чем она жила и дышала все это время, всю свою жизнь.

– Побойся Бога, Антоша! Что ты говоришь? – замахала руками, стараясь таким образом отгородить того, прежнего, сына от этого – мрачного, злого, обозленного, обиженного на весь мир человека. – Как же ты можешь сравнивать одно с другим? Время тогда такое было, всем было трудно, и нам в том числе. Да, одни забрали, но другие то не дали мне умереть с голода, спасли! Как же я на них обижаться должна? И потом, какой же ты сирота при матери родной? Не гневи судьбу, сынок.

– Но деда моего сгноили в Соловках кто-то посторонний, или эти же люди? Разорили, отобрали все – разве чужие это сделали?

– Вот здесь ты, сынок, не прав, и я объясню тебе это сейчас, коль раньше не смогла, не додумалась, – она вдруг успокоилась, и заговорила с ним как с больным – тихо, ласково, но настолько убежденно, как только умела в этот момент. – Ты прав – и разорили, и сослали, и спасли меня одни и те же люди. Я на них не в обиде – время рассудит нас, определит, кто прав, кто виноват. Но все это наши люди, мы сами. Сами натворили, сами разберемся без чьей-либо помощи. Знаешь, как в одной семье – по-родственному.

А земля то осталась наша – моя, твоя, соседей, всех наших людей. Но на нее позарился враг, супостат – а вот это уже им я не прощу! И другие не простят, кто живет на нашей земле! И ты должен быть в том числе! У себя, в своей семье между собой мы разберемся сами, но ни кто к нам не лезь – не мешай, изничтожим! – последние слова произнесла с таким жаром, с таким убеждением, что сыну стало неуютно в собственном доме.

За столом наступила гнетущая тишина: каждый оставался при своем мнении, и ни как не хотел соглашаться с доводами другого. До Антона вдруг дошло, что мать в его замыслах помощником не будет, надо надеяться только на себя.

– Ты меня в защитники не причисляй – я сам по себе, – выдохнул он. – Я видел, посмотрел их силищу – нам не одолеть. Не один раз наблюдать приходилось, как бежали твои смелые красноармейцы – догнать нельзя было. И сейчас их гонят как стадо баранов. А я не хочу быть бараном, я хочу жить, жить хорошо, богато, как жил мой дед!

– Так ты супротив своих пойти собрался? – последние слова сына больно ранили ее душу, неприятно поразили материнское сердце.

– Или я тебя не так поняла?

– Кто ж тебе такое сказал? – разозлился Антон. – Слушать внимательно надо, а не догадки строить. Я найду себе место посередине – мне не по пути ни с теми, кто бежит, ни с теми, кто наступает.

– Бегут, говоришь, красноармейцы? А я не верю! – мать стукнула ладонью по столу. – Это они по первости ступевались маленько, спужнулись. Чтоб потом больше злости было, когда врага обратно погонят в неметчину. А ты чистеньким хочешь остаться, не запачкаться?

– Да как ты мне такое говорить можешь? – сын вскочил за столом.

– Я вот этими глазами видел, как гибли, как убегали наши солдаты, как гнали их в плен – целыми толпами, как скотину! Может, ты и мне желаешь такого же? Мечтаешь посмотреть на меня мертвого? Так и скажи сразу, не мучайся.

– Что ж ты обо мне так страшно думаешь, или я не мать своему ребенку? – слезы катились по щекам, застилали глаза, и облик сына двоился, расплывался. – Живи, сынок, живи долго и счастливо, будь всегда здоровеньким, но только после войны – когда победим немца. А сейчас не о себе думать надо, а о том, как сподручней сообща врага одолеть – это я тебе говорю, как твоя мать, которая прожила на этом свете немножко больше, чем ты, и знаю что говорю! Не получится у тебя вот так – ни нашим, ни вашим, ой не получится! Как же ты людям в глаза смотреть будешь, когда наши победят, и тебя спросят – где был и что делал в лихую годину?

– Ну, до этого еще дожить надо, – Антон опять сел за стол, пораженный такими рассуждениями матери. – Это где тебя научили такими словами говорить? Как будто агитатор с райкома партии! Только ты меня не пугай – я везунчик, сама знаешь. Повезет и на этот раз. Как ни крутили меня перед войной на призывной комиссии, а так и не призвали в твою Красную армию. Хитрее я оказался – перед этим ходил к тетке Соне Дроздовой, заплатил хорошо, так она мне таких отваров приготовила, что у меня и давление скакало, и в легких хрипело, и глаза помутнели. Вот так то, мама! Поэтому и не призвали, и до сих пор жив, и, надеюсь, еще проживу лет этак сто!

Женщина сидела, слушала сына, обхватив голову руками, с побледневшим лицом, с расширенными от ужаса глазами. Она не верила своим ушам: ее сын, ее кровинушка так поступил с ней, обманул, а она так переживала, кляла себя, что не смогла вырастить Антошку здоровеньким, что он мучается по ее вине, страдает от болячек, а он вот как сделал не только с матерью, но и с властями. Но не верила пока еще его словам, со злобы на себя наговаривает.

– Это правда? – тихо, почти шепотом спросила она. – Обманул меня, всех, или пошутил? Скажи, что пошутил, сынок! – с надеждой переспросила еще раз.

– Какие шутки? – глаза горели огнем. – Пускай такие как Ленка воюют, гибнут как тот солдатик на берегу Березины, а я хочу жить, ты понимаешь – жить! – сын почти кричал. – Притом, жить хорошо, богато, чтобы уважали, за версту чуяли, что хозяин едет, шапки с головы рвали!

Женщина опять дивилась разительной перемене, что произошла с ее сыном, но ни как не могла с этим смириться, принять его сторону. Ей все казалось, что не Антошка ее говорит такие страшные слова, а кто-то другой, чужой сидит у нее в избе, и норовит ей сделать все больней и больней.

– Не такой я нашу встречу видела, не такой, – горестно качала головой, тяжело вздыхала за столом мать. – А оно вишь как обернулось?! – то ли спросила, то ли пожаловалась кому-то.

– Ты что – не рада моему возвращению? – Антон не мог взять в толк – почему мать не понимает такие ясные для него мысли. – Не рада, что я живой?

– Что ты, что ты! – мама опять замахала руками. – Ты из моей головы ни на секунточку не выходил. Спала, и то только тебя во снах снила. Я диву даюсь другому – откуда у тебя такие мысли, где и кто тебя надоумил на них? Или я где-то ни так воспитывала, ни те тебе в детстве сказки читала? Мечтаешь, чтобы шапку перед тобой ломали? Вряд ли дождешься, сынок – не те уже люди, что были при твоём дедушке, не те. А вот голову свернуть смогут, это точно!

– А ты не переживай за меня: не в таких передрыгах побывал, и то жив остался, – наклонился через стол, положил свою руку матери на плечо, еще раз напомнил. – Ты же знаешь – везунчик я!

– Не все ты про себя знаешь, – горестно покачала головой мама. – Не все тебе цыганка сказала, а ты и вскружил себе голову. Помимо ангела-хранителя к тебе от брата твоего умершего перешли и все горести, беды, несчастья, что ему на роду были написаны. Имей ввиду

– беды на тебе тоже двойные! А к соседям я все-таки схожу – пускай и они со мной вместе порадуются, пускай и они верят, что Ленька их вернется!

– Тебе видней, – Антон поближе пододвинул к себе сковородку с яичницей. – Только я не советую рассказывать им обо мне.

Потерпи денька три-четыре, а потом и похвастаешься. А еще лучше скажи, что пришел я не сегодняшнюю ночь, а вчера, да ты просто ни кому не рассказывала. Вот, вот, так надо.

Антон прекрасно понимал, что если сосед вернется, придет домой, то ему не стоит большого труда сопоставить произошедшее в лесу под Вишенками с появлением его, Антона, дома. И все! Даже если Леня не узнал тогда, так вычислит потом, уже на месте, здесь. А в ближайшие дни он точно появиться – сомнений быть не может. А так – дороги у них не пересекались, и точка!

– Ой, темнишь ты что-то, сын, ой темнишь! – мать стояла посреди избы, готовая пойти к соседям. – Боюсь, что плохо ты кончишь, а я тебе и помочь не смогу. Не хочешь меня слушать, не понимаешь меня. Как будто мы с тобой на разных берегах реки, да и то течет она у тебя в одну сторону, у меня – в другую.

– К чему это ты так заумно сказала?

– Вижу, не пересекаются наши мысли о будущем: ты его видишь не по-людски, не по-нашему. И мне за тебя страшно, боязно.

– А ты иди к соседям, иди. Только не забудь – вчера я пришел, вчера, и сутки отсыпался дома, – Антон уже выпроваживал мать из дома. До него дошло, что если его появление будет обставлено вчерашним днем, то одна тревога у него отпадет сама собой.

– На обман ты меня толкаешь, но что ни сделаешь ради родного сына, так и быть – возьму грех на душу, – добавила уже с порога.

Оставшись один, долго сидел, размышлял, вспоминая разговор с матерью. По пути домой еще теплилась надежда на нее, что она поймет, благословит на новое, неизведанное начинание, будет с кем поделиться, посоветоваться, а вышло совсем по – другому. «Кто бы мог подумать, что так она заговорит, как секретарь парткома, – ироничная усмешка играла на губах Антона. – Ни когда раньше не видел и не слышал от нее таких слов, все казалась вечно занятой, загруженной работой, не до политики, а, вишь, как прорвало!». Потом в памяти всплыл разговор с Ленькой Лосевым сразу после того медицинского осмотра в военкомате, когда Антона комиссовали, выписали «белый билет». Почему – то именно Ленька сразу не поверил в его болячки, и все донимал и донимал своими расспросами.

– Поделись опытом, – с загадочной улыбкой на лице заговорил с Антоном тогда Леня. – Как такое могло случиться, что ты вдруг заболел? Еще вчера на тебе можно было землю пахать, а сегодня ты инвалид?

Антон хорошо помнит, как неловко, неуютно он себя чувствовал от этих вопросов, все боялся, что обман может быть раскрыт не сегодня-завтра, и все то время жил как под наркозом. Именно тогда он возненавидел Леню, и вынашивал не один план мести. Отчего вдруг после этой комиссии сгорел дом деревенской знахарки Дроздовой Сони вместе со своей хозяйкой – не знает ни кто. Но после пожара не один раз ловил на себе испытывающий, загадочный взгляд соседа, от которого бросало в холод. И тогда же почувствовал, что боится Леньки! Стыдно было признаться самому себе, но это так! Ни кого не боялся, а вот своего соседа и ровесника Лосева Леонида он боится! Может, поэтому в лесу под Вишенками дрогнула рука – от страха, хотя расстояние было небольшим, и мог прицелиться наверняка?

Несколько дней Антон сидел дома, ни куда не выходил, ни с кем не встречался, не разговаривал. Разве что приходил отец Леньки старый Лось, как называли его в деревне. Потерявший правую ногу по самое колено еще в гражданскую войну, он передвигался на самодельном костыле, и работал в колхозе сапожником.

Михаил Михайлович почти целый час расспрашивал Антона про обстановку в оккупированных селах, что делают жители, как ведет себя немец. Однако парень или отмалчивался, или отвечал общими ни чего не значащими фразами, и понять гостю что-либо было трудно.

– Ты или слепым шел, – сделал вывод сосед, – или так запугал тебя немец, что ты дар речи потерял?

– А ты, дядя Миша, не злись, – защищался хозяин. – Мне не до митингов там было, больше думал о том, как спастись, а не опросы проводить.

– Оно, вроде, верно, – соглашался гость. – Ну, хоть где-то по зубам давали немчуре, не слышал? – и с надеждой всматривался в Антона. – Не может того быть, чтоб прусак над русским верх взял, не верю! Поговаривают люди, что в городе Бресте до сих пор какую-то крепость немец одолеть не может, не довелось об этом слышать?

– Хоть верь, хоть не верь, а только где твои русские сейчас?

Мамка, вон, тоже не верит, да что толку?

– Но, но! Что значит – «твои русские»? – Михалыч вскочил со скамейки, застучал костылем по полу. – Наши, наши русские – и твои, и мои! По себе знаю – немец силен воевать, шапками не закидаешь. Однако на русский штык слабоват, кишка тонка – рвется на штыке то! В империалистическую не раз до рукопашной доходило, вроде как откликнется на нее, а потом все равно наши верх брали!

– А ты силищу их видел, дядя Миша? – стоял на своем Антон. – Танки, самолеты, пушки, машины – так и прут, так и прут! А наши где? Где, я у тебя спрашиваю?

Гость разводил руками, пожимал плечами, вроде как соглашаясь с Антоном, но тут же опять спорил с хозяином.

– Может, это специально так делают – отступают то? Заманят вглубь страны, да как дадут по роже, чтоб впредь неповадно было!

– А тысячи убитых, а тысячи пленных? Их куда спишешь? И что это за тактика такая, чтоб своими людьми, своими солдатами разбрасываться, как детвора на пристани камешками? – Антона задел такой недальновидный взгляд соседа. – Просто сильный побеждает слабого – вот и весь сказ!

– Не скажи, не скажи, – дядя Миша тяжело вздохнул, зажал в руках палку. – Ленка мой там под Брестом служил, не верю, что он поддался немцу. Не верю – нас, Лосевых, об колено не переломить, нет, не переломить! А таких как мы – целая страна. Не осилить нас, нет, не осилить! – наклонившись, стучал палкой об пол, то ли убеждая Антона, то ли себя в своей правоте.

Глава третья

В то утро Антон поднялся пораньше, и решил до завтрака сложить дрова за сараем в поленицу, что наколот за вчерашний день. Наклонившись за палкой, краем глаза заметил, как быстро прошмыгнул в дом к соседям деревенский доктор Павел Петрович Дрогунов. У Щербича в это мгновение все оборвалось внутри, похолодело: «Леня вернулся!». До этого еще где-то теплилась надежда, что не придет, сгинет в лесах, а не нет – дошел. Просто так доктор бы не побежал к Лосевым: родители хоть и пожилые, но еще крепкие. Значит, вернулся сын! А с ним кончилась спокойная жизнь и у Антона. Он как держал в руках палку, так и сел с ней прямо на землю там, где стоял. В голове лихорадочно забегали мысли, одна страшнее другой. «Припрется, обязательно припрется со своими расспросами – где был, что делал? Его хлебом не корми – дай только поспрашивать, как живет, чем дышит его сосед Антон Щербич. Без этого Леня спать не может, чтобы не спросить. А ему какое дело, кто он такой, чтобы спрашивать, интересоваться? Он что – следовательно, что ли? Так мы таких любопытных видали знаешь где – в гробу в белых тапочках! Сейчас не то время, спрашивать, и не то время, чтобы бояться».

Ухватившись за последнюю мысль как за спасительную, стал развивать ее – с каждым мгновением уверенность и спокойствие возвращались к Антону. Обдумав все хорошенько, пришел к выводу, что волноваться нет причин, и надо жить так, как он и жил все это время. А там видно будет. Главное – не надо пороть горячку, и с кандочка, не продумав, ни чего не предпринимать. Такая тактика его еще ни разу не подводила, не подведет и на этот раз. Тем более – он у себя дома, а дома, как известно, и кочерга – оружие.

Михаил Михайлович перестал приходить в гости, у них на заборе появились чистые стиранные белые лоскутки, посреди недели затопилась вдруг баня у соседей, визиты доктора стали более частыми – он приходил и среди дня, – все говорила о том, что Антон не ошибся – раненый Леня был дома у родителей.

Последние время мама загадочно улыбалась, частенько навещала соседей, и все норовила поговорить с сыном, но он под любыми предложениями оттягивал этот разговор, заранее зная, о чем она хочет с ним поговорить.

– Ты, прямо, цветешь, – не выдержав первым, заметил сын. – Что ж такое, мама, ты хочешь мне сказать?

– Не знаю – говорить или нет? – смутилась мать. – Просили держать в тайне, а радость то большая у соседей, вот и не ведаю – рад ты будешь ей?

– Леня Лосев вернулся, что ли? – пришел на помощь матери. – Так я раньше тебя узнал, для меня это не тайна с первого дня.

– Иди ты! – всплеснула руками женщина. – И откуда ты узнал? А я все таюсь да таюсь. И еще новость: немцы назначили к нам в деревню старшим Ваську Худолея. Он теперь ходит по улице с винтовкой и с белой повязкой на рукаве. Говорит, что будет набирать штат. Важный такой!

– Леня то как себя чувствует? – Антон перебил мать. Из окна он уже видел Ваську с винтовкой, и давно понял его место в Борках. – Сильно ранен?

– А ты откуда знаешь, что Леня ранен? – удивилась мать. – Видел его раньше, что ли?

– С чего ты взяла, что видел? Тут дураком надо быть, чтобы не догадаться – бинты на заборе сохнут, да доктор Дрогунов на дню по несколько раз забегает, – сказано это было спокойным, обычным тоном.

У матери враз отлегло на душе, она опять заулыбалась, подобрела.

– Просит, чтобы ты к нему зашел, поговорить хочет, – выжидательно уставилась на сына. – Может, сходишь, поговоришь. Твой друг все-таки, с детства. Очень просил.

Антон размышлял секунду, и тут же его лицо засияло улыбкой. Он сжал маму за плечи, и радостно проговорил:

– Конечно, схожу! Я бы и раньше пошел к нему, да не знал, в каком он состоянии, может, плох сильно. А раз хочет меня видеть, так и я хочу посмотреть на моего друга детства! К нему когда лучше зайти, как думаешь, мама?

– Просил вечером, как коров подоят, так и иди, – мать была довольна – перед ней стоял прежний, довоенный сынок Антоша. – Левая рука у него плохая, вся израненная. Доктор какую-то блокаду делает, не знают – будет целая рука, или нет.

Антон шел к Лене как на свидание: побрился, надел чистую рубашку, брюки, на ноги – довоенные туфли. Но, на всякий случай, достал спрятанный в стогу сена пистолет, засунул его за пояс, прикрыл рубашкой. Если вдруг Леня признает в нем того заросшего человека, что стрелял в лесу под Вишенками, тогда разговор должен быть один, и ни каких сомнений! Тут уж промахнуться ни как нельзя. Свидетелей он тоже уберет: своя шкура дороже. А там пускай разбираются – что, да как. Хотя, кто в это время будет разбираться? Кому это нужно?

Стемнело, когда Антон осторожно постучал в окно соседей. Там не спали, а, видно, ждали его, так как дверь открыли быстро.

– Проходи, проходи, – засуетилась, уступая дорогу гостю, мать Ленки тетя Вера. – Он в передней хате, за печкой. Чай, не забыл где и что у нас в избе находится?

– Обижаешь, тетя Вера, – Антон приобнял хозяйку, прикоснувшись к ее щеке. – Рад видеть тебя!

Передняя хата Лосевых была разделена перегородкой еще до войны: большая часть использовалась как зал, а комнатка за печкой с одним окном на улицу служила спальней Лени, которая пустовала больше года, как сын поступил в военное училище.

Хозяин Михаил Михайлович сидел в задней комнате, и крошил табак за столом. При виде гостя привстал, поздоровался с Антоном за руку.

– Вот и дождался, дядя Миша, своего сына. Поздравляю!

– Спасибо на добром слове, мил человек, – опять склонился над столом. – Радость полной будет, как побежит от нас немец! А сейчас какая радость – в своем доме сидишь, а чувствуешь себя неуютно – беда в любой момент нагрять может.

Свет от висячей лампы в комнате Лени проникал сквозь не плотно закрытую дверь. Антон на всякий случай постучал, и, не дождавшись приглашения, вошел в комнату.

– Проходи, чертяка! Тебя сколько ждать надо? – бледный, улыбающийся Ленка сидел на кровати, свесив ноги. Левая рука была забинтована, и висела на чистой белой тряпке.

Улыбка, искренний тон в разговоре сняли все опасения Антона, и он, радостно улыбаясь, шагнул навстречу другу, с жаром пожал его протянутую руку.

– Рад, рад тебя видеть, Ленчик! – лицо гостя светилось от удовольствия. – Все боялся зайти в первый же день – думал, что ты сильно ранен, и беспокоить тебя не хотел. – Заговорил быстро, не давая хозяину вставить слово, опережая его возможные вопросы.

– Погоди, погоди, а ты как узнал, что я пришел? – Леонид отодвинулся от Антона, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Я же просил своих ни кому не говорить, пока не окрепну, а тут уже вся деревня знает.

– Не серчай на родителей – мне мама только сегодня про тебя сказала, да я догадывался, что ты дома.

– Как это? – недоуменно спросил Леня. – Сорока на хвосте принесла?

– Какая сорока? Ты меня всегда за дурака считал, – обиделся Антон. – А тут на вашем заборе бинты стиранные висят, да доктор Дрогунов на дню по несколько раз забегает к вам – к гадалке ходить не надо – и так все ясно!

– Как же я сам не догадался? – Леонид потер здоровой рукой лоб. – Надо было сразу же предупредить родителей: осторожность не помешает, а то мы как в довоенные годы открыты для всех – приходи, бери голыми руками.

– Да у нас пока тихо – немцев в деревне за неделю ни разу не видел, – успокоил его Антон.

– За то Васька Худолей красуется с винтовкой! – заметил Леня. – Как же он пошел в полицию, не понятно? Ведь работал учетчиком в бригаде, был тише воды, ниже травы, а тут к немцам в услужение подался? Странные перемены в людях происходят.

– Черт с ним, с Васькой. – Антон перевел разговор на другую тему.

– Ты то как? Что с рукой? Откуда пришел, как цел остался? – засыпал вопросами, усаживаясь на стул напротив хозяина.

А тот замолчал, раскачиваясь взад – вперед на кровати, поддерживая под локоть раненую руку. Долго собирался с мыслями, испытываясь глядя на гостя, наконец, заговорил.

– Знали, что нападет Гитлер, готовились, а так и не подготовились – война застала нас врасплох, – голову опустил, смотрел себе под ноги, заговорил глухим дрожащим голосом. – Обидно, до слез обидно, что не успели как следует подготовиться. И за это поплатились, притом страшной ценой! Еще полгода назад в ужасном, кошмарном сне не могло присниться то, что с нами случилось этим летом. А какие песни пели? Какой энтузиазм, какая вера в скорую победу на вражеской территории! А он нас носом в дерьмо, в нашу же кровь, да так, что впору захлебнуться. Почему, почему мы отступали, не смогли организовать, да все вместе навалиться на фашиста? Где наша организация войск? Где прославленные комкомы? – Леня обхватил голову рукой, и по-настоящему рыдал, с подвывом, как тот офицер в лесу под Бобруйском, которого видел Антон. – Представляешь, мы выдвинулись на прикрытии границы нашим батальоном уже после того, как немец напал на заставы, бомбил с воздуха города. И нас прямо на марше сначала самолеты, а потом и танками давили как котят. Мы не смогли даже организовать оборону. Да о какой обороне может идти речь, если у нас винтовки, а у врага автоматы, танки, самолеты? С нашего батальона осталось человек пять-шесть, что смогли выжить. – Леня замолчал, сидел, опустив голову, по-прежнему раскачиваясь на кровати.

Антон мало трогала та картина, что обрисовал рассказчик. За время своего скитания он перевидал всякое, но оно его не цепляло, поскольку не касалась его самого. Он старался найти свое место в этой ситуации, и, притом, место спокойное, прибыльное, что могло бы утешить его самолюбие, возвысить его в собственных глазах, а главное – в глазах окружающих, дать власть над людьми. Но сегодня в гостях у соседа Антон продолжал играть роль внимательного слушателя, и определял для себя степень опасности Леонида. С каждой минутой укреплялся в мысли, что перед ним сидит жалкий, раненый, отчаявшийся человечик, бояться которого дальше было бы смешно и неумно. От прежнего Лени уже мало чего осталось, разве что оболочка была еще того, довоенного, придирчивого одноклассника. Отныне он для Антона никто, и заслуживает такого же отношения. Антон даже посетовал мысленно на себя самого за те мнимые страхи, переживания, которые он связывал со своим соседом. Прямо сейчас, вот здесь ему вдруг захотелось нагрубить, надерзить Ленке, поставить его на место, дать ему почувствовать, что его время прошло, ушло безвозвратно вместе с позорно бежавшей Красной Армией, и дать ему понять, что пришло время таких как Антон – продуманных, деловых, умных людей. Но благоразумие взяло верх над эмоциями, и гость участливо спросил:

– Ну а дальше то что собираешься делать? Как жить думаешь?

– Как жить, спрашиваешь? – Леонид поднял голову, внимательно посмотрел на гостя. – А как нормальный советский человек должен сейчас жить? Я для этой цели и пригласил тебя, посоветоваться, решить сообща.

– Не знаю, – Антон пожал плечами.

– За то я знаю! – решительным, жестким голосом заговорил хозяин.

– Буду бороться, буду бить фашистов, пока они ходят по моей земле. И тебе предлагаю присоединиться – сообща и сам черт не страшен!

– Да какой из тебя сейчас вояка? – перебил его Антон. – На тебя смотреть без слез нельзя, а он туда же – бороться. Не настрелялся еще, что ли?

– Представляешь, – Леня наклонился к соседу, – под Вишенками, в лесу, когда да дома осталось почти ничего, какой-то полуумок выстрелил в меня, и опять в эту же руку, раздробил плечевой сустав. Доктор говорит, что это последнее ранение для руки оказалось роковым – ее нельзя вылечить. Будет висеть как плеть. Поэтому ты и прав – стрелок уже из меня ни какой.

Антон выдержал взгляд, хотя в душе уже зарождалось чувство злорадства.

– А как же ты просмотрел этого стрелка? – спросил не из праздного любопытства, а чтобы еще раз убедиться, что его тогда не узнал Лосев.

– Поздновато заметил, не успел укрыться. Но ему тоже досталось – после моей очереди с автомата он больше не поднимался. А пойти проверить – сил не было.

Антон в душе ликовал – ни кто и ни когда не узнает про тот его выстрел! Это придало ему еще большей уверенности, и даже превосходства над сидящим перед ним раненым, бес- сильным Леонидом. Опять захотелось уколоть его, причинить ему боль не только моральную, но и физическую – ударить вот так сверху, как когда – то немца, да так, чтобы ни когда не встал, не поднялся. Но снова сдержался, и заговорил вполне спокойно, миролюбиво.

– Я слышал, что немцы вылавливают скрывающихся красноармейцев. Не боишься, если поймают?

– А они откуда узнают? – тень пробежала по лицу Лени. – Ты, надеюсь, не выдашь?

– Опять, как когда-то, ты меня уесть хочешь, что ли? – Щербич начал злиться. – На будущее знай, что если надо – я и сам с тобой рассчитаться смогу, без помощи. И еще – на меня больше не надейся – я в твоей войне не помощник, я – сам по себе. Сейчас самое время найти свое место в жизни, да так, чтобы с пользой, с выгодой. Думаю, что найду понимание у новых властей, заживу не тебе чета! К старой власти возврата быть не должно!

– О! Как ты заговорил! Рано ты Советскую власть, страну нашу похоронил. Запомни – она еще придет на твои похороны, на похороны таких как ты, и спляшет на вашей могиле, на могилах своих врагов! Попомни мои слова! Не вовремя ты силу почувал, друг, или мне показалось?

– Да я ее ни когда и не терял. Просто казался слабеньким, поддавался тебе, а ты, дурачок, и верил. Мне так легче было среди вас, умных, – теперь в словах Антона слышалось превосходство над поверженным противником, и он сейчас решал для себя – как добить его. – Тебе всю жизнь казалось, что ты самый умный, самый грамотный, самый успешный. А на практике что оказалось – пшик? Вот, вот, пшик из тебя получился. А туда же – учить других! А я в учителях не нуждаюсь, проживу и без них. Бороться он пойдет! Патриот, видите ли! Да сейчас тебе думать надо как выжить, как не умереть с голоду, а не бороться. Где твоя хваленая страна? А нету ее! Развалилась при первом же ударе, как карточный домик, и тебя, ее защитника, бросила, и других, таких как ты раненых, убитых, пленных бросила. Так зачем она тебе, такая страна? Что она тебе хорошего дала, чтобы терять за нее свою жизнь? – Антона прорвало, он говорил, говорил, и не мог высказать все то, что накопилось у него в душе. Его слова как камни обрушивались на Лосева, ранили его, причиняли ему боль еще острее, чем перебитая рука. Но он слушал соседа, давая тому полностью высказаться, только бледность все сильнее и сильнее проступала на его лице. – До этой долбоной революции мой дед имел землю, сады, завод – ему было чего терять. Но пришли коммунисты и все отняли. Колхозный сад – это наш сад, его посадил мой дед, и земля колхозная – это земля моего деда. Сейчас пришли немцы. Они обещают вернуть землю владельцам. Вот это я понимаю! Вот за это стоит бороться.

– Ты все сказал? – тихо, не поднимая головы, спросил Леонид. – Или еще чего надумаешь сказать?

– А что ты еще услышать хочешь?

– Меня за сколько предашь?

– Что значит – за сколько? – не понял Антон.

– Ты Родину готов предать за землю, заводик. А меня на что выменяешь? – Лосев все так же не повышал голоса, а говорил тихо, но бледность и дрожащие губы выдавали его состояние.

– А, вот оно что! Я сразу то и не понял, – Щербич поудобней уселся на стуле. – Да ты сейчас и гроша ломаного не стоишь – что себе зря цену набивать.

– Папа! Иди сюда! – Леня позвал отца.

– Что случилось? – Михаил Михайлович застыл в дверном проеме, глядя по очереди то на сына, то на гостя.

– Я просил тебя пригласить ко мне моего друга детства Антона Щербича, – Леня говорил надтреснутым голосом, едва скрывая волнение. – А сегодня, сейчас он для меня умер, его больше нет! Перед тобой, папа, сидит ничтожество и мразь! Я прошу, чтобы это существо больше ни когда, слышишь, ни когда больше не переступала порог нашего дома. Вон! Слышишь, тварь, вон! – он встал с кровати, качнулся, но успел опереться на подставленную руку отца.

Антон вскочил, приблизился вплотную к Лосевым. Теперь он не намерен был юлить, унижаться перед этими людьми.

– Кто из нас мразь и ничтожество – покажет жизнь. Но вы оба, не становитесь на моем пути – зашибу! – резко повернулся к Леониду.

– Знай, что другом ты для меня ни когда и не был! Так что не трать напрасна силы, дерьмо! – Опрокинув ногой стул, плечом отодвинув старого Лосю, Щербич решительно направился к выходу.

В мыслях еще и еще раз восстанавливал свой разговор с Лосевыми, и не находил у себя проколов. Все было именно так, как он хотел: Антон открылся, на сколько это было возможно, и поставил на место этих зарвавшихся, возмнивших из себя праведников, соседей. Пускай знают, кто такой Антон Степанович Щербич! Они о нем еще услышат! Рано или поздно ему все равно пришлось бы это сделать. Ну а раз подвернулся такой случай, то и хорошо – меньше времени уйдет на то, чтобы приучить людей к его новому положению в деревне. А то, что это так и будет, у Антона уже сомнений не вызывало. Для себя он уже решил, что с помощью немцев он вернет себе и имущество деда, и власть над односельчанами. Деревня Борки будет его, как когда-то она была в собственности умного, состоятельного, предприимчивого Щербича-старшего.

– Ты что удумал, окаянная твоя голова? – утро следующего дня началось с домашнего скандала. – Что ты наговорил Лосевым, как ты такое мог сказать? – мать не находила себе места, бегая по комнате, заламывая руки и уже не говорила, а стонала. – Люди считали тебя за человека, уважали, переживали за тебя, искренне радовались твоему возвращению, а он повел себя как последняя свинья: нагрубил, нахамил, да еще угрожал. Как в глаза им смотреть? Как нам сейчас жить по-соседски, встречаться, здороваться? Ты об этом думал, прежде чем говорить такие гадости?

Антон сидел за столом, ждал завтрака, и наблюдал, как волнуется, переживает его мама. Ироничная ухмылка бродила по его лицу, светлые, хорошие мысли роились в голове, насканивая друг на друга, выстраивали прекрасное будущее. А мать этого не хочет понять, заискивает перед этими Лосевыми, лебезит перед ними.

Ох, не понимает женщина своего счастья!

– Ты меня кормить собираешься, или думаешь, что я буду сыт твоими разговорами? – улыбка не исчезла, а, напротив, стала еще больше, шире – самодовольством застыла на лице сына.

– Чего улыбишься, – мать остановилась посреди комнаты, и с недоумением взидала на Антона. – Ты или дурак, или на самом деле не понимаешь, что творишь? Он еще лыбится! Да тут от стыда провалиться сквозь землю надо, а не улыбаться. Сестра твоя, даст Бог, доберется со своего Бреста, если жива осталась, как она по деревне пройдет? Из-за брата родного на улицу стыдно будет выйти. Иди сейчас же извинись перед людьми, слышишь, кому говорю – иди, извинись! – мать решительно направилась к сыну, готовая оторвать его из-за стола, и вытолкать к соседям.

– Сядь! – улыбка не исчезла, но в голосе послышались железные нотки, глаза холодным блеском сверлили женщину. – Если еще хоть одним словом обидишь меня – пеняй на себя! Я и тебе этого не прощу. Запомни – я буду жить так как хочу, и делать, как буду считать нужным. И мне глубоко плевать на твоих Лосевых и им подобным. С этого момента пускай вся деревня больше заботится о том, что я о них думать буду, а не они обо мне! А сейчас подай завтрак.

Настроение резко изменилось: от благодушия не осталось и следа, появилась злость, досада за испорченное утро. А как хорошо все начиналось! Вечно эти женщины все испортят, даже самые благи начинания.

Мать смотрела на сына сквозь слезы, и молча подавала на стол его любимые драники со сметаной.

– Что с тобой происходит, сынок? – спросила, не стерпела. – Вернулся домой совершенно другим, страшным человеком. Но ты же не такой – ты добрый, ласковый, послушный. Сыночка, куда ты подевался – тот, прежний? У меня уже все сердце изболелось: тут о дочурке ни слуху, ни духу, живы ли, нет ли, голова болит каждый день. То ты фортели выкидываешь – мне хоть в петлю лезь. Вон после твоего ухода от Лосевых Леня опять исчез: боится оставаться дома. Думает, что ты его выдашь немцам. Родители не знают, где он, или не говорят – меня бояться стали. А ведь мы дружили семьям и не один годочек. Мы же как родные!

– Дались тебе эти Лосевы, выкинь их из головы, – Антон налил себе стакан молока. – А что Леня сбежал, так правильно сделал. Нам вдвоем не ужиться под одним небом.

– Что ж ты такое говоришь? – мать всплеснула руками. – Да ты знаешь, что для меня Лосевы – лучше родни любой. Душой, сердцем своим я чувствую, что и мы для них как родные, близкие люди. Забыл, кто приютил нас с тобой, когда выслали на Соловки твоих папу и деда? Так я тебе напомним – Лосевы. Не побоялись, взяли в свой дом, кормили. Никогда ни словом не упрекнули нас, а, напротив, оберегали от людской молвы. Сами не доедали, а с нами делились. Вспомни, как дрался с деревенской ребятней Леня Лосев, когда кто-то пытался обидеть тебя или твою сестру. Заметь, не себя защищал, а тебя – чужого человека. А кто нам помог поставить вот этот домишко? Опять же Лосевы! Да мы им по гроб жизни должны быть благодарны! Эх ты, что ж это делается на белом свете? Или добро, милосердие перестали существовать?

– Вот что, мама, – твердым, уверенным тоном начал сын. – Твои отношения с Лосевыми – это твои отношения. Меня они касаться не должны, и не будут. Прими это к сведению, и больше меня не зли.

А сейчас я пройду по деревне – давно не ходил, соскучился.

Сначала вышел за огорода, к речке, на Пристань к камню-валуну. Разулся, подошел к нему, сел на его прохладную с ночи поверхность, долго гладил отполированные временем бока. Ему он нравился с детства, как себя помнит. Антон приходил сюда когда ему было грустно, или когда было хорошее настроение – всегда он делился с камнем своими мыслями, не боясь, что его кто-то высмеет, обидит нехорошим словом. И за время его странствий не было ни одного дня, чтобы он не вспомнил камень, саму речку с ее заросшими берегами, что тихо, медленно петляет, течет вдоль всей деревни. Самые счастливые воспоминания детства у Антона связаны с Пристанью, с ее мелководьем, с золотым песчаным дном, где летом целыми днями пропадает деревенская детвора.

Притихшая, знакомая и уже незнакомая в этот сентябрьский день деревня Борки предстала взору Щербича. Все так же течет река Деснянка, но на ее берегах уже не видно табуна колхозных коней. Их в самом начале войны мобилизовали в Красную Армию, и домой они уже не вернутся. С горем пополам убрали рожь под командой Васьки Худолея. Да и ту практически растащили селяне по домам.

А пшеница стоит, и ни кто к ней не притронулся до сих пор. Мать говорила, что немцы собираются организовать уборку, да видно руки не доходят. Зато крестьяне не сидят даром: некоторые поля пшеницы тайком уже почти скошены, и прямо в снопах жители разнесли ее по своим сараям. Сейчас таким же способом выкапывают колхозную картошку. Все готовятся пережить как-то первую зиму в оккупации. Стоят сады, полные урожая, но и он уже ни кому не нужен. Разве что кто-нибудь соберет упавшие яблоки на корм скоту.

Еще вчера с вечера на липе, что у дома Антона, в своем гнезде стояло семейство аистов, а сегодня их уже нет, как нет их и в других гнездах – улетели на юг в одночасье.

Вот и получается, что в этой жизни все определились, даже птицы, а он, Антон, так до сих пор еще ни как не найдет свое место. Чего зря тянуть время – надо действовать! Для этой цели он и пришел сюда, на Пристань, чтобы хорошенько обдумать еще раз свои планы. Спешка здесь ну ни как не нужна.

Для начала он найдет Ваську Худолея. С ним надо поговорить, разузнать, что и почему, а потом и в комендатуру к немцам можно. Кто там начальником? Мама говорила, что какой-то майор Вернер, который не плохо говорит по-русски. Значит, с ним будет легче договориться. Да, узнать у Худолея, что больше всего любит этот немец. Может, придется что-нибудь дать на лапу, чтобы поставил сразу старшим. А то неудобно быть в подчинении у Васьки. Вот, вот, не забыть бы. А потом, когда войдет в силу, можно будет заняться и собственной землей, а то и вернуть себе винзавод. Все равно он сейчас стоит без толку, а яблоки гниют в садах. Не по хозяйски это! Конечно, Антон понимает, что некоторые односельчане от зависти будут косо смотреть на него по первости. Ну, ничего, попривыкнут, по имени-отчеству будут называть. Кстати, надо будет поставить себя так, чтобы с первых дней только по имени-отчеству. Нечего распускать, а то потом и на шею сядут, и ноги свесят. Антон хорошо знает местных – поваживать нельзя ни в коем случае! У него с этим делом будет строго! Да, не упустить бы колхозный инвентарь, технику, и взять винзавод под особый контроль – как бы чего не растащили, не поломали.

Жаль, что мать сожгла в печке все, что Антон притащил в вещевом мешке. Он хорошо помнит тот день, когда принес со стожка вещи, разложил все на полу посреди избы. Ждал маминой благодарности, дурак! А она долго смотрела на тряпки, подносила к глазам, даже нюхала. Потом каким-то деревянным голосом попросила на время выйти из комнаты. Он то подумал, что станет примерять, стесняется его, а когда зашел в дом снова, то увидел, как догорают таким трудом добытое добро в печке! И мама, простоволосая, с застывшим взглядом, с поникшей головой сидит на полу. Ярость нахлынула, затмила глаза и разум: как схватил мать за плечи, приподнял, затряс так, что голове ее впору было оторваться – Антон не помнит. Пришел в себя, опомнился не от материнского крика – его не было. Вернули к действительности мамы глаза – они смотрели на него с таким презрением, с такой ненавистью, и, одновременно, с такой болью, что он опешил – в таком состоянии сын ее не видел никогда. И еще почувствовал в ее взгляде какую-то силу, победить которую он не сможет. Это его остановило, вернуло разум. Но гнев не исчез – стал даже заикаться.

– К-как ты с-смогла? – выдохнул из себя.

– Они пахнут кровью, – тихо, как самой себе сказала мама. Но для него ее шепот был как крик, он вдруг оглох от ее голоса, от той правды в нем, что так скрывал не только от других, но и от себя последнее время Антон.

– Да я нашел их, – пытался даже оправдываться, но мать не верила, а все повторяла и повторяла, как заклинание:

– Они пахнут кровью! Они пахнут кровью! Человеческой, людской кровью!

Антон тогда выбежал из дома, и до вечера просидел под грушей на меже с соседским огородом, там, где были закопаны в первый день драгоценности. Больше с матерью они к этой теме не возвращались, и не обсуждали.

Посидев еще немного на камне, решительно встал, и направился с речки по дороге к гати, которая соединяет Борки с соседней деревней Слобода.

Сколько помнит себя Антон, столько и ремонтируют и ремонтируют мосток через болото. А оно все засасывает и засасывает в себя эту гать, по весне, или в особо дождливую осень полностью отрывая обе деревни друг от друга.

В село заходил со стороны Слободы – хотелось пройти по нему с конца в конец.

Отсюда очень хорошо виден огромный фруктовый сад, посаженный его дедом как раз в канун той революции, что так круто изменила жизнь Щербичей. Теперь деревья разрослись, вошли в силу, и стояли под тяжестью плодов, нагнув ветки к самой земле. Ни кто уже не смотрит за ним, не подставляет подпорки под нависшие ветки, не собирает обильный урожай. Антон понимает, что людям не до деревьев. Им лишь бы выжить самим, спасти себя. Но он решил, что в ближайшее время все организует, и не даст пропасть ни саду, ни урожаю.

А деревушка красивая, что ни говори! Антон долго стоял, любовался ею.

Глава четвертая

Утро следующего дня выдалось на славу: чистое небо, яркое солнце, что взошло из-за леса, предвещали удачу. Мама не разговаривала, а молча подала на стол отварную картошку и сковородку с жареным салом. Сама садиться не стала, а выпила стакан молока прямо у печки, и вышла из дома.

«Дуется после вчерашнего разговора, – решил для себя Антон. – Дались ей эти Лосевы, как будто на них свет клином сошелся. Хотя пора уже и подумать, кто ей важнее – родной сын, или соседи, какие бы хорошие они не были. Но ничего – перемелиться – мука будет».

Ваську Худолея он встретил у бывшей колхозной конторы: собрав вокруг себя нескольких баб, тот пытался заставить их идти жать пшеницу. Сам на ногах стоял не твердо, глаза масляно блестя, и речь Васьки была под стать его состоянию.

– Серпы, через десять минут, одна нога здесь, другая – к Данилову топили жать пшеницу! – попутно икал, сморкался в кулак, и вытирал его об штаны. Черный китель с белой повязкой на руке, винтовка за плечами поднимали его в собственных глазах, о чем он постоянно напоминал окружающим.

– Я – законный представитель оккупационных сил. Это надо понимать! Я – власть! А власть надо уважать и бояться, понятно вам, бабы?

– Васек! Да мы к тебе со всем почтением, мы что – не понимаем, что ли? – Тамара Афонина, разбитная молодница лет тридцати, все пыталась обнять Ваську. – Рассуди, умница ты моя, – где брать серпы? Их у нас просто нет!

– Как нет? – пьяно икал тот. – А где вы их подевали? Попрятали, что ли? Так это саботаж! А по законам военного времени знаете, что бывает?

– А ты разве не помнишь? – Тамара не отставала от Васьки. – Перед войной все серпы собрали, и отнесли в кузницу к Ермолаю, чтобы подготовил, подточил к уборочной. А того в армию – фьють, и забрали. А куда он подевал наш инструмент – одному Богу ведомо. Ты ж учетчиком был тогда, тебе и карты в руки! Знать должен, куда инструмент подевался. Может, ты с кузнецом того, серпы то наши, в соседнюю деревню сбагрили за бутылку самогона, а, Василек?

Женщины вокруг одобрительно галдели, шумели, махали руками – всячески подтверждая сказанное Тамарой. Худолей на некоторое время замирал, вспоминал или переваривал услышанное, потом опять начинал:

– Чтoб одна нога там, другая – к Данилову топили. И смотрите мне, чтобы я вас не собирал больше. Приду – проверю. И, потом, как это – я и серпы? Тогда я еще не пил.

Антон со стороны наблюдал за этим тридцатилетним мужиком с некоторым чувством безразличия: как низко опустился, спился, перестал походить на того аккуратного колхозного учетчика, каким он был каких-то три-четыре месяца назад. Худой, длинный, со слабым здоровьем он ну ни как не был приспособлен к деревенской жизни, к работе в колхозе. Но в школе учился хорошо. Из жалости его в шестнадцать лет поставили учетчиком в бригаду, и с тех пор на этой должности он и трудился. Такое положение в бригаде сразу же повлияло и на его внешний вид и поведение: всегда ходил опрятно одетым, чистым, аккуратным. Его ни кто не видел даже с запахом спиртного, не говоря уже о таком состоянии, как сейчас. Однако что-то произошло в его сознании, и Васька стал таким, какой он есть теперь.

Женщины еще постояли немного, полаялись с ним, и по одной стали уходить от их нового начальника. Васька еще что-то пытался говорить, потом обнаружил исчезновение слушателей, махнул рукой и направился по улице в сторону Антона.

– Так, ты тоже пришел без серпа? – долго, в упор смотрел на парня. Но, видно что-то сработало в его голове, и он стал понимать происходящее. – О, Щербич! В Борках появился давно, а почему не зарегистрировался у меня, не отметил?

– Не знал, что так надо делать. Думал – пришел и все. Кому я нужен в такое время?

– Тебе думать не положено, – Худолей поправил повязку. – Для этой цели поставлен я – решать за вас, понятно тебе или нет?

– Понятно, конечно! Вот для этого я к тебе и пришел, Василий Петрович.

– О! Так и надо, – полицай поднял вверх указательный палец. – Василий Петрович! А то все Васька, да Васька. Как будто кот какой-то. – Довольная улыбка расплзлась по пьяному лицу. – Пошли к тебе, там и выпьем, и поговорим.

Васька повис на руке у попутчика, шел по деревенской улице, постоянно поправляя сползающую с плеч винтовку.

– Сейчас я власть, понял? – доказывал на ходу Антону. – А кем был до этого? Ты же знаешь – просто Васька Худолей, и ни какого почтения. А как без него жить, чтобы тебя не уважали? Да это не жизнь! Так, с утра до вечера меряй сотки-гектары, и все. И без уважения. А как хочется, чтобы тебя по имени-отчеству, да на «вы»! Вот ты меня сегодня уважил. Значит, и я к тебе с полным почтением, Антон Степанович.

Винтовка упала с плеч, Васька смотрел на нее с высоты своего роста, потрогал для чего-то ногой, с трудом нагнулся, взял в руки, и неожиданно передал ее Антону.

– На, неси. Дали зачем-то, как будто я начну стрелять в своих. Вот дураки!

Антон был неприятно удивлен словами Худолея: для себя он уже давно решил, что оружие в его руках, если надо, будет применяться по его прямому назначению.

Расположившись удобно за столом у Щербичей, Васька не стал дожидаться, пока поставят выпивку и закуску, уронил голову на руки, и через минуту в избе раздавался его мощный храп.

Мать неодобрительно смотрела на сына, на его гостя, потом решительно подошла к столу, взялась за Васькины худосочные плечи, и поволокла его к кровати, что стояла в углу избы. Антон понял ее, и бросился помогать.

«Поговорил, называется, – Антон бранил себя последними словами.

– Зачем я связался с этим пьяницей, ума не приложу. Что, я сам не попаду к коменданту? Конечно, обойдусь и без Васькиной помощи. Но откладывать больше не надо ни секунды».

Поставив винтовку в изголовье к отдыхающему Худолею, Антон вышел из дома, и направился по дороге, что вела в соседнюю деревню Слобода.

Еще вчера с вечера он достал из тайника свои драгоценности, долго и внимательно их рассматривал, определяя для себя – что можно подарить коменданту, но, в тоже время, и чтобы не было жалко вещицы. Выбор свой остановил на массивном перстне с какой-то фигуркой, похожей на вензель, и вделанном в него зеленом камне. Вообще, Антон особо не разбирался в драгоценностях, а знал только золото. Вернее – слышал о нем больше всего. Хотя в его тайнике лежали кольца, перстни, сережки, и много других красивых вещей из золота и драгоценных камней. Какую ценность могут представлять те же камни, он не знал, и ценил больше золото. А в этом перстне золота немного, он так считал, потому как камень занимает много места. Вот его то он и подарит коменданту. И то, если тот этого заслужит. Просто так добром своим Антон разбрасываться не намерен.

Время было к обеду, а деревенская улица была пуста, безлюдна, как будто вымерли ее жители. Но во дворах, в своих садах и огородах было заметно движение: сельчане спешили убрать к зиме какой ни какой урожай, сложить, сохранить или спрятать его до лучших времен. Впереди ожидалась зима, и какая она будет – не мог знать ни кто. А жить то надо. Вот и готовились. Да и Антон с матерью не остались в стороне: выкопали картошку, ссыпали ее подпол в избе, засолили бочку огурцов, еще предстоит засолить капусту, замочить бочку яблок.

Свекла, лук и чеснок так же заготовлены впрок. Есть несколько мешков зерна. В сарае дожидается своей очереди хороший сытый кабанчик. В любом случае с голоду не помрем, как говорит мама. Правда, в последнее время она с Антоном разговаривает очень редко, разве что по крайней необходимости. Антон и не переживает – тише в доме, спокойней на душе. Пускай молчит, если ей так хочется. Но к Лосевым бегают, Антон это замечал не раз. Хотя ему об этом не говорит, и, как будто, старается делать это в тайне от сына. И сами Лосевы с ним не здороваются, а при встрече стараются его не замечать. Про Ленку ни чего не слышно – мать, небось, знает, но вряд ли скажет. Да Антон и не очень то озабочен этим. Ему важно сегодня определиться, занять пост или должность, не важно – как это будет называться, старшего над деревней Борки. Это будет реализация первого этапа его планов. Он надеется, что потом ему удастся прибрать ее к своим рукам полностью.

Немецкая комендатура располагалась в здании средней школы. Вся она была обнесена забором из колючей проволоки. У центрального входа стоял шлагбаум и будка для часового. Туда и направился Антон.

– Halt! – из будки вышел часовой с автоматом в руках. – Wohin?

Антон непроизвольно поднял руки, и заговорил, показывая на школу:

– Комендант пан Вернер, Вернер мне нужен. К нему я, по важному делу, господин солдат.

– Ausweis! – солдат требовательно протянул руку к Щербичу, но тот ни чего не понял, и опять начал:

– Вернер, пан Вернер, комендант мне нужен. К нему я!

– Rutsche schweine! – солдат презрительно посмотрел на Антона, плюнул ему под ноги, и что-то прокричал в сторону здания. Из дверей к ним направился небольшого роста, толстенький и уже не молодой немец.

– Какого черта приполз? – на чистом русском языке спросил солдат, сверля его маленькими, заплывшими жиром глазами. – Что тебе надо от коменданта?

– На работу, хочу к вам на работу устроиться, – Антон признательно улыбался, и даже попытался кланяться немцу. – Из Борков я, из Борков, господин солдат.

– Запомни на будущее, человек: ко мне надо обращаться – господин лейтенант! Понятно тебе? Господин лейтенант Шлегель, Шлегель! – повторил дважды, чтобы посетитель мог правильно запомнить. – Я – помощник коменданта лейтенант Шлегель!

– Я запомню, обязательно запомню, господин лейтенант! – Щербич улыбался застывшей на лице улыбкой, и низко кланялся этому толстяку.

– Иди за мной! – приказал немец просителю, и зашагал в комендатуру.

Антон хорошо знал школьное здание – не очень давно он и сам учился здесь. Немец подвел его к бывшей учительской. У кабинета в коридоре стоял еще один солдат с винтовкой.

– Жди! – резко бросил Антону Шлегель, и постучался в дверь.

Через минуту Щербич уже стоял в кабинете. За столом у окна напротив сидел молодой, чуть больше тридцати лет, с правильными чертами лица, светловолосый человек в гражданском костюме, с каким-то значком на лацкане пиджака. Он что-то писал в толстой тетради, что лежала на столе перед ним. Потом отложил ручку в сторону, и внимательно, оценивающе посмотрел на посетителя.

Антон напрягся, однако взгляд этих бесцветных глаз выдержал, и даже ни разу не моргнул.

– Wer ist du? Wi heist du? – отрывисто произнес комендант, обращаясь к стоящему перед ним парню. – Name?

Щербич непонимающе крутил головой, пожимал плечами, и с надеждой посмотрел на приведшего его сюда Шлегеля. Наверное, мать напутала – ни хрена он не понимает по-русски, этот холеный комендант.

– Скажите пану коменданту, что я не понимаю, но скажу все, что он хочет.

Неожиданно для Антона оба немца громко расхохотались: видимо, им представляло большое удовольствие наблюдать за этим растерянным посетителем. Какое же было удивление Антона, когда он услышал из уст коменданта чистую русскую речь! Это вызвало еще больший приступ хохота.

– Какой иностранный язык ты учил в школе? – улыбка исчезла с лица хозяина кабинета. – Я задал самые простые вопросы: кто ты? Как тебя зовут? Имя?

– Простите, пан комендант! – Антон еще больше растерялся. – Учил немецкий.

– Значит, ты был плохим учеником, – сделал свой вывод Вернер.

– Простите, ради Бога, простите! – Щербич сорвал с головы шапку, и начал крутить ее в руках. – Если б я знал, что пригодится, я бы учил хорошо. Простите, пожалуйста!

– И так – кто ты, и зачем пришел? – требовательно спросил комендант, внимательно глядя в глаза посетителю, пытаясь поймать его взгляд.

– Щербич Антон Степанович, – парень немного успокоился. – Мне двадцать два года.

– А почему не в Красной Армии? – перебил его майор.

– Так еще перед войной на комиссии в военкомате списали меня.

Под чистую.

– Что так? По какой болезни?

– Нет, что вы, пан офицер, – Антон даже улыбнулся такой непонятливости начальника. – Здоров я, здоров как бык! Только перед комиссией наша местная знахарка тетка Соня Дроздова дала мне снадобья, я выпил, и у меня поднялось давление, потерялось зрение. Вот меня и не взяли в армию. А так я здоров, – еще раз напомнил он немцам.

– А где сейчас эта знахарка? – спросил стоящий за Антоном чуть сбоку, ссади лейтенант Шлегель.

– А нету ее. Вскорости она сгорела в собственной избе, – доверительно поведал Антон.

– Не твоя работа? – Вернер уже с интересом рассматривал посетителя.

– Что вы, что вы! – Щербич даже замахал руками. – Как можно?

– Значит – твоя! – уверенно произнес майор. – А к нам зачем?

– Мой дед до революции имел несколько сот десятин земли, – начал Антон. – Большие фруктовые сады, свой винокуренный завод.

Потом большевики все это отняли, деда и моего отца сослали на Соловки, где они и канули бесследно. А мне хочется продолжить их дело, опять прибрать деревню в наши руки, в руки Щербичей, как это и было раньше.

– А к нам что привело? Мы, германские войска, причем? – спросил Шлегель.

– Ну, как же! Говорят, что новая власть помогает вернуть собственность.

– А сами почему не вернули, а ждали доблестную немецкую армию?

– комендант привстал за столом, размял затекшую спину, потянулся. – Привыкли жар загребать чужими руками. Так, по-моему, звучит ваша поговорка?

– Сил не было, да и боязно, – просто ответил Антон. – Вот к вам за помощью и пришел. Вы помогите, а я вас отблагодарю, в долгу не останусь.

– Интересно, интересно, как это ты сможешь нас отблагодарить? – Вернер опять сидел за столом, откинувшись на стуле. Ему определенно нравился этот непосредственный молодой человек.

– Да это мы запросто, – с этими словами Антон сунул правую руку в карман брюк, чтобы достать приготовленный перстень. В это мгновение его рука оказалась перехвачена железной хваткой стоящего сзади лейтенанта Шлегеля, и вывернута за спину.

– Ой! что вы? Больно же! – закричал испуганно Щербич, и присел от боли.

– Отпустите его, Эдуард Францевич! – майор даже не сменил позы за столом. – Молодой человек не опасен.

Антон с благодарностью посмотрел на коменданта, и, наклонившись, протянул ему свой подарок.

– Вот, возьмите, пожалуйста. Не побрезгуйте.

– О! Mein Got! – Вернер с неподдельным интересом рассматривал подарок, подносил его к глазам, удалял на расстояние вытянутой руки, крутил на фоне полуденного окна. – Was fur ein herrlich Stein! Welcher Schliff! (О, мой Бог! Какой великолепный камень! Какая огранка!) – Потом подозвал к себе лейтенанта, и что-то долго и восторженно обсуждали на немецком языке. Антон не понимал ни слова, но по выражению лиц, их довольным репликам определил, что подарок очень понравился обоим. Он стоял, смотрел на немцев, и глупо улыбался. Вдруг до него дошло, что не слишком ли дорогой подарок сделал? Вишь, как эта парочка запрыгала. Но тут же взял себя в руки, успокоился.

– А ты где его приобрел, если не секрет? – оторвавшись от перстня, спросил комендант.

– От бабушки осталось. Случайно уберегли. Семейная ценность, – не моргнув глазом, соврал Антон.

– Ну, ладно! Пускай будет так, – майор открыл стоящий в углу кабинета сейф, и положил туда подарок.

В Борки Щербич вернулся только через неделю, и не один: он приехал на легковой машине вместе с комендантом майором Вернер Карлом Каспаровичем. Все это время его и еще семь человек с других деревень готовили к их новой работе. Объясняли, рассказывали, учили стрелять с пистолета и винтовки. Теперь Антон уже знает, что и комендант, и его помощник Шлегель когда-то жили в России. Отец майора до революции имел свои магазины в Петербурге, а старый Шлегель был долгое время горным инженером на Урале, где и родился Эдуард Францевич. Следом за ними в крытой тентом машине ехал взвод охраны. Солдаты выпрыгнули вначале деревни, и стали сгонять всех жителей в центр села к бывшей колхозной канторе.

Комендант взобрался на крыльцо, снял перчатки. На безымянном пальце левой руки красовался подаренный Антоном перстень.

Осень вступала в свои права полным ходом: оголялись, постепенно сбрасывая с себя листья, стоящие вдоль улицы липы и осины. Черемуха обнажилась уже полностью, выставив на всеобщее обозрение свое сучковатое, узловатое тело. В колхозных садах опадали ни кому не нужные фрукты, устилая собой всю землю вокруг деревьев, выкладывая жуткие картины гниющих плодов. Только березы да дубы не хотели поддаваться, всячески оберегая свой зеленый наряд. Поэтому листва на них еще пока сохранялась, хотя и начала жухнуть, приобретая грязно-зеленый, а то и серый цвет, постепенно переходя в осеннюю желтизну.

Уже к десяти часам утра почти все жители деревни стояли плотной толпой на площади, тихо переговаривались друг с другом, наблюдали, как солдаты подгоняли к ним опоздавших, толкая их оружием в спину. Вокруг толпы уже выстроились автоматчики, взяв ее в плотное кольцо.

Антон расположился позади коменданта, в уголке, и молча рассматривал односельчан. Он искал глазами маму и нашел ее в толпе. Она стояла вместе со старым Лосем и теткой Верой, между ними, опустив голову, и не глядя на людей. На ней был темно-коричневый шерстяной платок, и телогрейка, в которой она управляет по хозяйству. Видно, за этим занятием ее и застали солдаты. Сыну все хотелось поймать ее взгляд, улыбнуться ей, но ни как не удавалось – мать не поднимала глаз. Зато Михаил Михайлович, казалось, смотрел только на него. От его взгляда или от прохлады Антон поеживался, переминаясь с ноги на ногу.

Такого события он ожидал давно, и был внутренне готов к нему. Однако впервые в своей жизни он почувствовал, как неуютно ему перед глазами своих земляков. Но в душе он уже гордился собой, понимая, что его планы начали осуществляться, он приобретает силу, власть над людьми. Правда, пока еще с помощью немцев, но он надеется, что и собственность деда

вскоре перейдет к нему. Он станет богат, всемогущ, когда власть и богатство соединятся в одних Антоновых руках.

Пьяный Худоль ни как не мог найти себе место: он то пытался взойти на крыльцо, куда его не пускали солдаты, то возвращался к людям. Потом все же определился – прижался спиной к стене канторы в стороне от крыльца, приставив винтовку к ноге. Майор молча наблюдал за Васькой, потом повернулся к Антону, и, сощурился глазами, произнес:

– Если я еще раз увижу твоего подчиненного в таком состоянии – расстреляю!

– Так точно, – по военному ответил Антон, не до конца понимая, кого расстреляет комендант – то ли Худоль, то ли его самого. Но в ту же секунду реально осознал всю ответственность, что с этого мгновения ложится на его плечи.

В новой черной форме с пистолетом на левом боку как у немцев, Щербич замер за спиной у майора.

Подоспевший командир взвода доложил коменданту, и тот сделал шаг вперед на край крылечка. Еще раз внимательно оглядел толпу, понуро стоящую на площади, и сильным, хорошо поставленным голосом заговорил, зажав перчатки в правой руке:

– Доблестная немецкая армия добывает оставшиеся разрозненные части большевиков уже под Москвой. Еще чуть-чуть, и она падет к ногам великого фюрера! В этом нет и не может быть ни каких сомнений! Дело двух-трех недель, и ваш товарищ Сталин будет пойман и предан справедливому германскому суду!

До некоторых пор в силу ряда обстоятельств командование не могло уделять должного внимания вашей деревне. Но, слава фюреру, время это кончилось. С сегодняшнего дня у вас появился наш представитель, наделенный властью от имени комендатуры проводить в жизнь немецкие законы, которые отныне устанавливаются на всей оккупированной территории.

Повернувшись к Антону, он жестом пригласил его стать рядом. Щербич заранее ожидал такой команды, но сейчас как будто растерялся, замялся, и, ставшими вдруг деревянными ногами, сделал шаг вперед. Коснувшись рукой его плеча, комендант продолжил:

– Это – староста вашей деревни. Отныне все его приказы и распоряжения вы обязаны выполнять четко и быстро. Его приказ – это приказ немецкого командования. За неисполнение – расстрел! Не стройте иллюзий – мы прибыли сюда не рассказывать вам сказки на ночь, а выполнять приказы фюрера! Повторяю, неисполнение приказа – расстрел! За укрывательство красноармейцев и большевиков – расстрел! За укрывательство евреев – расстрел. За саботаж – расстрел! За сопротивление доблестным войскам фюрера – расстрел! За оскорбление законных представителей немецкого командования – расстрел! Надеюсь, вы поняли, что мы пришли сюда не шутки шутить, а железной рукой наводить порядок!

Антон стоял рядом, и все пытался встретить материнский взгляд.

Но она вдруг спряталась за Лосевых, и ее платок только кончиком, самой макушкой выглядывал из-за их спин. Зато на Антона сейчас смотрели сотни пар глаз, сотни лиц застыли в ожидании. Ему льстило, что вот эти люди отныне будут подчиняться ему, Антону Степановичу Щербичу, и он будет волен казнить их или миловать. Это еще больше возвышало его в своих собственных глазах, до слез тешило его самолюбие. От избытка чувств к горлу подступил комок, перехватывающий дыхание.

– Обеспечение доблестной армии фюрера продовольствием, теплыми вещами ложится на ваши плечи, – тем временем комендант продолжал выступать перед толпой. – Более подробно до вас доведет это ваш староста господин Щербич. Прошу! – подтолкнул Антона вперед.

Начал не сразу, а постоял, выдержал паузу, давая землякам до конца прочувствовать серьезность момента, осознать его важность, значимость в жизни деревни. И пусть попривыкнут к его, Антона, новому статусу, к его теперешнему положению, и запоминают, как выглядит их начальник.

– Земляки, односельчане! – решил говорить без высоких слов. – Вы знаете меня лучше, чем я сам себя. А я знаю вас лучше, чем вы знаете себя сами. Поэтому, воровство бывшего колхозного имущества прекратить, оно все перешло в собственность Германии. Понятно теперь, что может быть и будет с теми, кто ослушается? Каждый день я буду распределять вас на те или иные работы. Отныне, ежедневно в восемь часов утра все трудоспособное население должно быть здесь. И без опозданий. Я проверю! У меня все, господин майор! – повернулся к коменданту.

– Ну, что ж! Судя по твоему первому выступлению – неплохо! Инструкции тобой получены, действуй, господин староста! – майор сбежал с крыльца, и направился к машине.

– Всем разойтись по домам! – объявил Антон, и подошел к Худолею, оторвал его от стены, забрал из рук винтовку, и, вдруг, со всего маха, резко, с силой ударил его поддых. Васка мешком осунулся к ногам нового начальника.

Наблюдавшая за этим толпа ахнула, неодобрительно гудя, и стала рассасываться по домам.

– Bravo! – стоящий у машины комендант аплодировал Антону.

– Завтра чтобы был как огурчик! – староста бросил винтовку на лежащего у его ног подчиненного.

С площади Антон уходил последним. Шел не спеша, как хозяин, шел по центру улицы уверенной походкой, твердо впечатывая каблучки служебных сапог в деревенскую землю. Вот только не мог определить – куда девать руки. Они болтались в такт ходьбы вдоль туловища, а хотелось, что бы и положение рук тоже указывало на его теперешнее состояние, чтобы окружающие видели – передвигается не просто Антон Щербич, а идет хозяин! Он то пытался засунуть большие пальцы рук за кожаный ремень на животе, то сцепить кисти за спиной, но все это ему не нравилось, так как не предавало достаточной солидности в походку. В конце концов он бросил это занятие.

«Черт возьми! – приятные мысли роились в голове нового старосты деревни Борки. – Стоило перетерпеть столько страха, мучений за два месяца скитаний, как сама жизнь повернулась совершенно с другой стороны! Главное – жив, не ранен, при хорошей, не пыльной должности. Карл Каспарович обещал достойную зарплату в немецких марках. Но как они накинута на перстень – угадал таки с подарком! Это хорошо! Не подари – не известно, что и как бы получилось. А так вышло все как пописанному – без сучка, без задоринки, – лицо Антона расплылось в самодовольной улыбке. – А этот, Шлегель, как он потом вился вокруг меня, все пытался напроситься в друзья, чтобы и ему перепало. Но хват майор, молодец, догадался и предупредил, чтобы все дела я вел только с ним. Видно, рассчитывает, что это мой не последний подарок для него. А толстячок обиделся. Плохо, если он злобу затаил. Надо будет посмотреть что-нибудь, безделушку, какую не жалко, кинуть, пускай подавится. Э-э, все они одним миром мазаны – так и норовят на халяву чужим добром попользоваться. Но ни на того напали – я буду давать вам только то и столько, что считаю нужным, а не то, чего хотите вы. – Антон спорил со своими воображаемыми оппонентами, размахивал руками, выражение лица менялось вместе с его мыслями. – Вас много, а я один. Где я на всех напасусь?»

Поняв, что разговаривает сам с собой, Антон огляделся вокруг – не видел ли кто его таким странным. Но нет, деревенская улица была пуста, безлюдна. Даже не слышно собачьего лая: как будто и они стали понимать, что чем тише себя ведешь, тем больше шансов остаться живым. Комендант приказал уничтожить в селе сначала всех бродячих собак, а потом и хозяйских. Все распоряжения майора староста аккуратно занес в тетрадку, что лежит в болтающейся через плечо сумке.

– Что не здороваешься, дядя Гриша? – Антон окликнул высокого подтянутого мужчину лет шестидесяти, что нес от колодца воду. Семья Скворцовых переехала в Борки года за три-

четыре до войны. Поговаривают, что этот старик был большим человеком до революции – то ли начальником полиции города Бобруйска, то ли каким-то военным в больших чинах.

– Так мы же виделись на площади. Что зря лишний раз языком трепать? Все уже сказано, – Скворцов даже не повернул голову в сторону Щербича, хотя раньше между ними ни одна встреча не обходилась без разговоров, расспросов друг друга о житье-бытье.

Антон был неприятно удивлен таким отношением к себе. Какой-то холодок закрался в грудь, обдал сердце и когда он вдруг вспомнил о маме. А ведь она за все время на площади даже не глянула на него: он так и не смог встретить ее взгляд, увидеть ее улыбку, или самому улыбнуться ей. Да и вообще со всей толпы ни кто особой радости и восторга не высказал при виде нового хозяина деревни. А он этого ждал, надеялся, что многие будут заискивать перед ним, искать дружбы, хотя и не исключал, что кому-то не понравится его новое положение. Но ни кто не остался на площади, не захотел встретиться с ним, поговорить. Что-что, а поговорить, поболтать деревенские могут, их хлебом не корми, а дай ляссы поточить, обсудить кого-нибудь, лишь бы ни чего не делать руками. Антон это знает не понаслышке. Даже Худолея бабы поволокли домой, не оставили одного у конторы. А он остался один. Знать, им Васька милее, чем новый староста.

«Не хорошо как-то получилось, – размышлял Антон, подходя к своему дому. – Как еще мама поведет себя – она же была категорически против, что бы я шел к немцам работать. Да и Лосевы на нее огромное влияние имеют. Вот она, поди, как между молотом и наковальней – не знает, что ей делать и как ей быть».

Во двор заходить сразу не стал, а сел на лавочку, что стояла у палисадника. Слева росла черемуха, а справа – огромная, в два обхвата, разлапистая липа с гнездом аиста на вершине. Пацаном Антон любил качаться на самодельных веревочных качелях, что цеплял за сук для них с Ленкой старый Лось. Эх, как высоко подлетали качели – прямо дух захватывало! При воспоминании о соседях настроение полностью испортилось.

«Да что это такое? – раздосадованный староста даже стукнул кулаком по лавочке. – Сколько еще времени эти Лоси будут портить жизнь? С этим надо кончать, и чем быстрее, тем лучше.

Вот скоро начну работу по выявлению красноармейцев, тогда же займусь и ими. Пускай ответят – где их сын, что делает, не замышляет ли чего против законной власти? Я их прижму к ногтю, дай только срок. Они у меня еще покрутятся, как вьюн на сковородке. Мать взболемутили, как будто она им должна что-то. Никто вас не просил приютить нас в то время. Не вы, так нашелся бы кто-то другой. Да мы бы и сами не пропали. Мама говорила, что где-то еще родственники остались, к ним бы поехали. Вишь, моду взяли – до всех им дело есть. Все им надо знать, отчитайся перед ними. Судьи нашлись. Сейчас сами думайте, как оправдываться, да как жизни сохранить. Судьей быть легко, побудьте и подсудимыми».

Подошел к калитке, открыл ее, и замер на время, смотрел на свой дом, двор как будто со стороны, посторонним взглядом, определяя, что и как надо заменить, достроить, чтобы его жилище соответствовало теперь его новому статусу. А вдруг заедет в гости сам комендант, а у них, даже стыдно подумать, – туалет за сараем без дверки, а стенки сплетены из тальника. И сесть нет на что. Все раком. Антон в комендатуре ходил в немецкий туалет. Вот это туалет! Все чисто, аккуратно, из струганных досок. Прямо – жить в нем можно, а не то что...

«Хорошо бы домик приподнять на новом фундаменте, да обшить дощечкой. Наличники на окна красивые, с узором, как у колхозного столяра деда Акима. Потом покрасить их красочкой масляной, и дом будет смотреться весело, приятно. Конечно, хорошо бы новый дом, высокий, кирпичный, и построить его в райцентре. Но это потом, на будущее. Если все хорошо, то может быть даже в области поставить можно будет. А лучше купить готовый. Зашел, и живи, голову не ломай! А для начала надо забор заменить, да туалет новый сделать. Поставлю людей – пускай строят. А я попрошу маму, чтобы на контроле держала. А то наделают как обычно

– через пень-колоду», – окрыленный такими планами, Антон вошел в дом. К его удивлению мамы в избе не было, как и не было обеда на столе, хотя мама могла догадаться, что сын придет домой голодным. Заглянул в печь – там стоял чугунок с вареной картошкой для кабанчика, а вот к обеду себе Антон ни чего не нашел.

Сходил в сени, взял на полке кувшин молока, из ящика достал кусок соленого сала, положил в миску огурцов из бочки, занес в избу. Обедать один, даже кот не терся как обычно об ноги, выпрашивая себе кусок шкурки с сала. Ел, а досада и злость все это время накапливались, бередили душу.

«Это как же получается, – обида глушила аппетит, еда не лезла в горло. – Знает, что я и для нее стараюсь, а не, не поддерживает, напротив, палки в колеса вставляет. Ну не понимает женщина своего счастья, хоть ты убейся! У Лосевых, точно у них отсиживается, делятся сплетнями. А я как сирота всухомятку в родной хате, ну где это видано? Сейчас самый момент обеспечить ей хорошую старость, подумать о будущем, посоветоваться с сыном, разложить все по полочкам, чтобы идти к цели сообща, а она рожу воротит. Нет, надо с этим кончать!» – Антон даже не притронулся к молоку, вышел из-за стола злым и голодным.

В хлеву ревела корова Апреля. Взял вилы, зацепил охапку сена, положил в ясли. Все это проделал машинально, не думая. На выходе в уголке увидел маму. Она сидела на корточках, безучастная, все в той же фуфайке и коричневом шерстяном платке, в чем была на площади. На сына не обращала внимания, погруженная в свои, ведомые только ей, мысли. Такой свою маму Антон еще не видел ни разу. Он не стал что-либо говорить, а присел к ней, прислонившись спиной к стенке, и обхватил голову руками. Так и застыли рядом два родных и таких далеких друг от друга человека, с разными представлениями о жизни, и своем месте в ней.

Дневной свет проникал сквозь открытую дверь, освещая корову, корыто, снующих по хлеву курей. А в этом закутке было темно, мрачно, как и на душе у каждого из сидящих людей.

«И долго так будет продолжаться? – у Антона ныли от неудобной позы спина и ноги, а терпение уже лопалось. – Хоть бы заговорила, что ли. А то сидим как не родные. Кричала бы, ругалась, скандалила, и то легче бы было. Первому начинать уже как-то не с руки, вроде не мальчик, не пацан сопливый. Она и сама понимать должна, что и у меня есть самолюбие, чувство гордости. Да и должность обязывает. Могла и навстречу пойти, сделать шаг первой».

– Мама, я есть хочу, – капризно, как в детстве, произнес сын.

Мать вздрогнула, очнулась, посмотрела на него из темноты, молча поднялась, и пошла в избу. Антон последовал за ней, поражаясь ее новому виду: сгорбленная, маленькая, постаревшая вдруг, она еле передвигала ноги, шаркая ими по земле. Перед ним была не та, быстрая, крепкая, жизнерадостная женщина, а древняя, немощная старушка. Ему стало до слез жаль маму. Он нагнал ее на пороге дома, обнял за плечи, и крепко прижал к себе.

Сколько они просидели на пороге вдвоем, обнявшись, Антон не помнит. Они забыли обо всем: говорили, говорили, как когда-то в детстве, в том прошлом времени, таком родном и приятном, и таком далеком.

– Твой отец хотел, чтобы первым родился сын, а появилась девочка. О, как он переживал, как расстроился, что родился не наследник. А я и ходила Танькой очень тяжело: по всем приметам должен быть мальчик. Ты не поверишь, но твой папа сбежал из дома, и не появлялся три дня, пока дедушка не привел его за руку из пивнушки, где он заливал свое горе. Глупый! Разве это горе, если родилась девочка? Да какая разница кто родился? Главное – человек новый появился на свет! Он даже не так переживал, когда умер твой братик. Все просил Бога сохранить тебе жизнь. У твоего папы все надежды были связаны с тобой, – воспоминания изменили маму: ее лицо преобразилось, помолодело, разгладились морщинки, горели глаза, мягкая, нежная улыбка застыла на губах.

– Я тебе уже рассказывала про нашу семью. Не знаю, запомнил ты или нет, тебе было годиков семь. Я все боялась, что наш род полностью сгинет, тяжкие тогда времена были – жизнь

любого человека не стоила и ломаного гроша. Как будто все посходили с ума: брат убивает брата, отец – сына, сын – мать или сестру. Все вдруг стали врагами, хотя еще вчера крестили друг у друга детей. Но свято верила, что вы с Танюшкой, сестричкой своей, обязательно останетесь жить. Все-таки вокруг, сынок, хороших, добрых людей больше, чем плохих. Вот на них я и надеялась. Поэтому хотела, да и сейчас хочу, чтобы вы знали кто вы на этой земле, откуда появились, как жили, кто ваши предки, и как они жили среди людей, как к ним относились их современники, и как они сами относились к людям. Это, сынок, не моя прихоть, а, наверное, в нашем сознании, в нашем поведении главная струна, наш становой хребет.

Мать на минутку замолчала, вспоминая, а сын боялся заговорить, боялся вспугнуть тот хрупкий, доверительный мир, что наметился между ними.

– Твой дед Макар Егорович, царство ему небесное, по молодости работал приказчиком у купца Востротина, был когда-то такой. Так вот, этот купец владел несколькими магазинами в Минске, Гомеле, Могилеве, и даже в Москве и Петербурге. Широкий был купец. Но в один прекрасный день, как раз перед первой войной с немцами, году этак в тринадцатом, четырнадцатом купчиха бесследно исчез. И, поговаривали, с большой суммой денег. Так или нет – не знаю, но молва такая шла. Пошумели, искали, как водиться, да и бросили. Нет человека.

Деда в полицию по этому поводу вызывали, допрашивали, но найти что-либо против него не смогли. Хотя молва среди людей ходила, что купец пропал не без помощи приказчика. Ну, на чужой роток не накинешь платок, как говорится. Поговорили, посудачили, и со временем забыли. Только не стал больше работать Макар Егорович у купеческого сына, к которому перешли все дела по наследству. Ушел от него, но в аккурат, через годик прикупил себе Щербич несколько сот десятин земли, и винокурный заводик. Опять всплыл случай с Востротиним: мол, откуда у простого приказчика такие деньжищи? И опять дело ограничилось разговорами, да только они не мешали ему скупать у населения яблоки, производить и торговать винишком.

Надо сказать, что дед твой, Антоша, предприимчивый оказался. Понял, что иметь собственные сады выгодней, чем скупать фрукты по окрестным селам, и засадил плодовыми деревьями огромнейшие территории в округе. Многие и до сих пор стоят, радуют людей обильными урожаями. За это уважать его стали, признали в нем хозяина. Хотя между собой толковали, что счастья на крови построить нельзя. Вроде как будешь на первый взгляд богат, а счастья нет, и не будет, потому что на крови оно замешено. А на ней оно не взойдет: счастье любит чистые души и руки, не замаранные тяжким грехом.

– К чему это ты мне повторяешь? – сын заерзал на порожке. – Что грех – я и без тебя знаю.

– Ты не дослушал, – мать положила руку на его плечо, но, увидев форменный, чужой мундир, резко одернула ее назад. – Это как народная примета. Богатство деда твоего продлилось не долго, а счастья, мне кажется, он вообще и не видел. Значит, не все чисто было у старого Щербича. Народ не зря примечал такие делишки. В то же время я не хочу наговаривать на своего свекра: сам по себе он был очень хороший человек, но себе на уме. Душу ни перед кем не открывал, не допускал к себе ни кого. И людям зла, вроде как, не делал. А вот в жизни и в коммерции ему точно не везло. Суди сам: жена умерла при родах, когда твой отец появился на свет.

– А ты откуда все про деда знаешь? – Антон не выдержал, спросил. Ему было не очень приятно слышать про недостатки, а, тем более, про темные делишки деда. А особенно про кровь и богатство. – Ты как будто рядом с ним была с детства.

– Зря ты, сынок, мне не веришь. Нас было пятеро у мамы. И жили мы в Слободе, где теперь школа стоит. Там наш дом был. Мама наша – белошвейка. Она обшивала всю округу. У нее были швеи, что шили простую, крестьянскую одежду, а были и для богатых людей. К ней, что бы ты знал, приезжали шить и из Бобруйска. Она очень хорошая мастерица была! Так что и я не из простых крестьян. Училась в городе. Закончила гимназию. А в детстве у нас были гувернантки, понял, содовая ты голова, кто твоя мамка? К нам то все новости и стекались. То

один что-то расскажет, то другой. Вот так, произвольно, и знаешь, что делается в округе. На примерки приходила в день масса народа. А о чем можно говорить в таких случаях? Только и обсуждать кого бы то ни было.

– А ты мне про это ни разу не рассказывала, – сын был удивлен, даже отодвинулся от матери, чтобы лучше ее рассмотреть. – Что ж ты скрывала все это?

– Да изучала тебя. Боялась, что твой детский ум не выдержит всего того, что надо тебе услышать. Можешь понять не правильно, не так, как хотелось бы мне.

– Теперь то почему рассказываешь? – запоздалая обида закралась в душу Антону, неприятно сверлила ее. Он, как и в детстве, оттопырил нижнюю губу. – Считаешь, что сейчас пойму так как надо? Поумнел?

Мать не сразу ответила, а сидела, погруженная в свои мысли. Он уже начал терять терпение, когда она заговорила вновь.

– Я не знаю, сынок, будет ли у нас с тобой еще один вот такой день, вот такой разговор. Поэтому, давай слушать и слышать друг друга, чтобы потом не казнить, не мучить себя недосказанным, не переживать за ошибки родного человека.

Мама поднялась, сходила в избу, принесла две старые телогрейки, подложила на порожки. Достала из кармана два яблока, выбрала большее, с румяными боками и подала сыну.

– Ешь, полезно. И не обижайся. Я тебе зла ни когда не желала, Боже упаси! Верила, и до последнего дыхания буду верить, что ты у меня самый хороший, самый умный мальчик, заботливый, любящий сын, взрослый, здравомыслящий мужчина, способный взять на себя груз ответственности. Но ты изменился, притом, не в ту сторону, в какую хотела бы я, стал не тем, каким ты был в моих мечтаниях.

Сейчас понимаю, что где-то в твоём воспитании я что-то не так сделала, сказала, поступила не так. Изменить тебя я уже не смогу – ты такой, какой ты есть, так хоть своим рассказом попробую уберечь тебя от страшных ошибок в твоём будущем.

Женщина сняла платок, поправила волосы, потуже скрутила их на затылке, закрепила шпильками.

– Отец твой был непутевым человеком: главным для него было – покрасоваться на публике, показать, какой герой, какой он богатый человек, какой всемогущий. Любил, чтобы ему льстили, заглядывали в глаза. И пил. Притом, пил очень сильно, часто и не знал меры. Макар Егорович к делу его не подпускал, бранил, а то и поколачивал кнутом за пьянки. Ты, слава Богу, не пьешь, а в остальном – напоминаешь своего отца.

Антон при последних словах матери заерзал, понимая, что она права как ни когда, как будто заглянула к нему в голову, в мысли. Ему стало неуютно, нехорошо, однако перебивать мать не стал, а продолжал молча слушать ее, накапливая в душе свое несогласие, готовность противиться ей, доказать, что это совсем не так, и он не такой, как она думает.

– Что ж ты так обо мне нехорошо то?

– Поздно разглядела, – просто ответила она. – Сейчас уже не исправишь. Раньше надо было. Слушай дальше, если тебе это интересно.

А деда твоего обуюла жадность и зависть к чужому богатству, к чужому успеху. Своим умом достичь всего этого он не смог, а, быстрее, не умел, Бог не дал таких способностей. Вот он и взял на себя тяжкий грех с купцом Востротинным.

– Но ты же только что говорила обратное, что не доказана его причастность к исчезновению купца? Как это понимать?

– А так и понимай, что богатство и благополучие на крови не долговечно. Это и есть неоспоримое доказательство. Вот и у тебя точно так будет, потому что жадность и зависть ты унаследовал от деда.

– Как ты можешь обо мне такое говорить? На мне нет чужой крови!

– сын подскочил с порога, забежал по двору, размахивая руками.

– Не ври самому себе – есть, и еще будет, – ее спокойный тон еще больше злил его, выводил из хрупкого душевного равновесия, что царил в их отношениях только что. – Но я тебе не все рассказала, ты дослушай. Садись на порог, а то я сбиваюсь с мысли, забываю, о чем надо говорить.

Антон опять уселся рядом с мамой, и обиженно засопел, как в детстве. Однако это не вызвало у нее прежней нежности, как когда-то, и она не стала его успокаивать, жалеть, прижимая его голову к своей груди, а снова заговорила ровным голосом.

– Дед хоть и был жадным и завистливым, но упрекнуть его в дальновидности, в практичности я не могу. Когда началась коллективизация, Макара Егорович понял, что его богатству приходит конец. Он не стал дожидаться прихода к нему в дом активистов-большевиков, а сам пошел к ним с заявлением о добровольной передаче земли, садов, винзавода в собственность новой Советской власти. И выбил у них из рук козыри: как после этого можно назвать его буржуем и мироедом, если он сам все отдал, пошел на сотрудничество с ними? Поэтому его и не расстреляли, а сослали на Соловки, и то по настоянию уполномоченного из райкома партии. А жители на собрании были против ссылки, заступились за нашу семью. Но с района потом приехали милиционеры, и забрали деда и отца вопреки воле людей. А меня, тебя и Танюшу не стали ссылать, потому что за нас были не только Лосевы, да почти вся деревня. Ты это должен помнить хорошо, не маленький был. Я к чему тебе все это говорю. Да к тому, что дед твой знал предел, меру, где надо остановиться, пойти обратно. На Соловках он умер в восемьдесят три года. Согласись, возраст немаленький. Видишь, против людей, поперек власти народной он не пошел. А я знаю точно, что некоторые подговаривали Макара Егоровича выступить против, звали его в свои организации. Только он не поддался, а все говорил, что на народ идти нельзя, потому как сотрет он любого, кто поперек его пути станет. А ты пошел своим путем, не только против своего народа, против своей страны выступил. Я на площади головы поднять не могла от стыда за тебя. Ты не поверишь, но люди сочувствовали мне, и жалели меня. Кроме презрения и ненависти к себе ты не получишь ни чего, на уважение и почет можешь не надеяться.

День уходил, угасал, как и угасала беседа между матерью и сыном. Все ее слова еще больше злили Антона, он ни как не хотел и не мог принять их правоту, на каждый ее довод находил свое оправдание, свою правду. Наметившее понимание вначале сошло на нет к концу разговора. Все эти истории он знал и раньше: многое происходило у него на глазах, на его памяти.

– Хорошо. Твоя политбеседа закончилась. Только я буду поступать так, как считаю нужным. Ошибки деда я повторять не стану, – сын решительно поднялся, одернул черный форменный френч, поправил кобуру с пистолетом. – Он пошел с коммунистами на мировую, поддался им, а в итоге поплатился жизнью в ссылке, в неволе, в нищете, как враг твоего народа. А надо было их давить, давить в зародыше, не давать произрастать как сорняку на огороде! Вот тут мой дед просчитался, смалодушничал, а может, и забоялся, струсил. Я так делать не буду! Я подчиню этот народ себе, уничтожу любого, кто встанет на моем пути, а с большевиками разговор будет один – смерть! И ни какой пощады! Они не щадили мою семью, меня, сестру, лишили нас счастливого детства, отняли у меня то, что принадлежало мне по наследству, а значит – по праву. Такое не прощается!

– Но предавать свой народ, свою Родину – это грех, тяжкий грех! – мать все еще не теряла надежды вернуть сына, не дать ему окончательно сбиться с пути. – Это же наша Родина, а ее поганят, убивают, грабят, неужели у тебя не дрогнуло ни чего в груди?

– Хватит мне заглядывать в душу, – Антон прервал мать. – Я сам разберусь, где моя Родина и как ее защищать. Я не меньший патриот, чем твой Лосев Ленка. Все, на этом разговор окончен. Приготовь что-нибудь поесть, а то твоими рассказами сыт не будешь. Завтра у меня будет трудный день, и мне надо хорошо отдохнуть.

– Поверь мне на слово – немцев изгонят без тебя, но на том народном празднике не будет Антона Щербича. Вопрос – где он будет, и будет ли вообще?

– Кишка тонка у твоей власти. Лопнет, как бы не тужилась. Теперешнюю Германию им не победить.

– Ты плохо знаешь историю, – мать махнула рукой на сына. – Сколько существует Россия, ее еще ни кто окончательно победить не смог, и не сможет. Все успехи ее врагов временные.

– Не пугай – пуганный я. Твои Советы, наверное, уже в страхе спускаются с той стороны Урала. А мне жить здесь.

– Бог тебе судья. Но тебя проклянут люди, если поднимешь на них руку или пойдешь против них, попомни мои слова!

Глава пятая

Утро следующего дня зарождалось чистым, солнечным, ясным. Сильный, густой туман стался над Деснянкой, закрыв собой противоположный берег, отделив деревню Борки от лесного массива. Однако солнечные лучи быстро устранили этот недостаток, разогнав собой туманную дымку, и опять соединив в единое целое село, речку и лес.

Сначала по центру улицы на выпаса проследовало деревенское стадо коров под незлобные покрикивания бессменного пастуха Коли Зайчика. Сколько ему лет и откуда он – никто в Борках не знал, хотя, казалось, что этот мужичок всю жизнь находился при стаде, по очереди переходя на ночь от одного хозяина к другому.

Антон с утра был в конторе, и с волнением поглядывал на часы: придут или нет люди к назначенному времени? Пока на площади перед зданием ни кого не было. Только, только затихли хлопки пастушьего кнута, пыль медленно оседала на улицу, на большие пожелтевшие лопухи вдоль нее, на серую, грязную траву.

Щербичу казалось, что стрелки на часах не двигаются, застыли на месте для того, чтобы испытать нового старосту деревни в его первый самостоятельный рабочий день, к которому он, может быть, готовился всю свою жизнь.

Сначала, как ни странно, появился Васька Худолей. Чисто выбритый, в таком же как и староста черном френче с белой повязкой на рукаве и винтовкой за плечами, он застыл перед своим начальником, вытянувшись по военному:

– Так что докладываю, Антон Степанович, – абсолютно трезвыми глазами Васька ел сидящего за столом в кабинете председателя колхоза нового руководителя. – Народ мною лично оповещен, сейчас должен прибыть к месту сбора. При себе будут иметь рабочий инструмент – кто лопаты, кто вилы, кто серпы!

– Я же про инструмент не говорил, как это ты догадался? – Антон был польщен таким обращением к себе, а еще больше ему понравилось рвение подчиненного. – Кто ж тебя надумил?

– Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять – урожай не собран. Сейчас это главное.

– Ну что ж – хвалю, – Антон встал из-за стола, протянул Ваське руку. – Спасибо. Ты облегчил мне работу. Сказать честно – не ожидал от тебя такого, Василий Петрович!

– Благодарю на слове! – Худолей с чувством пожал протянутую руку. – Вы еще плохо знаете меня. Спасибо!

Последующее обращение на «вы» еще больше возвысило Антона в собственных глазах, зародило твердую уверенность в том, что все мамины страхи напрасны и не стоят выеденного яйца. И уже к людям, стоящим плотной стеной у здания бывшей колхозной конторы, вышел важный, осанистый молодой человек, взваливший на свои плечи ответственность не только за положение дел в Борках, но и распорядитель жизней и судеб своих односельчан.

Мужики и женщины стояли вперемешку темной массой, и молча смотрели на старосту. Даже обычный в таких случаях табачный дымок не вился над толпой. Все замерли в ожидании. Антон тоже не сразу приступил к своим обязанностям, а как и вчера, взирал с высоты, давая возможность каждому прочувствовать важность момента, уяснить для себя раз и навсегда свое место, и место их нового начальника в жизни села. На него смотрели сотни глаз, десятки лиц были повернуты в его сторону. Щербича неприятно поразило, что он не видит ни одной улыбки на них: безучастные, серые лица. И ни какого подобострастия, желания услужить, понравиться. Он нашел в толпе мать: она опять стояла между соседями – справа – дядя Миша, слева – тетя Вера. Все та же телогрейка, все тот же темно-коричневый шерстяной платок. Вот только голову сегодня она не прячет, а смотрит открыто, как на чужого, незнакомого человека. Это немножко

подпортило ему настроение, но не смогло поколебать его уверенности в правоте проводимого им дела.

– Товарищей уже больше нет, а господами вы не стали, – голос старосты немного подрагивал, вибрировал, срывался. Видно было, что он волнуется, но старается держать себя в руках. – Поэтому не знаю даже, как к вам обращаться, – широко улыбнулся, пытаясь таким образом скрыть свое волнение, и расположить к себе односельчан.

– А что тут думать – в приличном обществе сначала здороваются, – стоящий напротив крыльца Скворцов Григорий Степанович открыто, с вызовом смотрел на Антона. – Или при нынешней власти новые приличия?

– Новая власть не любит, когда ее перебивают, и, тем более, советуют ей, понятно, гражданин Скворцов? – жестко ответил староста, и в его голосе уже не было волнения и желания понравиться. – Стойте молча и слушайте, что вам будут говорить.

– Вот оно что! – старик втянул голову, ошарашенный таким ответом. – Далеко пойдет парень, если ни кто не остановит.

Щербич пропустил мимо ушей последнюю реплику, и, глядя на столпившихся перед ним односельчан, заговорил:

– Буду краток: надо успеть до наступления холодов убрать все, что еще сохранилось в поле. Женщины будут жать серпами, и вязать снопы, мужики – свозить снопы к амбарам, и складывать в стога.

Молотить будем потом. Выкопать оставшуюся на полях картошку, и складировать ее в буртах там же. Позже перевезем ее в овощехранилище.

Нового ни чего нет: каждая бригада занимается своим делом, как и в довоенное время. Надеюсь – все понятно?

– А где взять транспорт? Или на себе таскать? – выкрикнул из толпы чей-то голос.

– Вопрос правильный. Сейчас я возьму с собой несколько человек, и поедем в Слободу. Комендант для этих целей обещал нам десяток подвод.

– Работать будем за спасибо, или как? – спросил Скворцов.

– Новая власть будет рассчитывать с вами вашими жизнями, – глядя в упор на деда, ответил Антон. Он не забыл подначки в свой адрес, и теперь с удовольствием отыгрался. – Дорога жизнь – будете работать. С вас довольно того, что уже украли с полей, – жестко закончил староста.

По толпе пронесся робкий, тихий ропот, но тут же и затих, едва начавшись. Антон это посчитал заслугой своей жесткой позиции по отношению к односельчанам.

Первый и последующие дни проходили спокойно, гладко, не создавая для старосты каких то проблем: за долгие годы люди привыкли к коллективному труду, и на работу приходили вовремя, упрекнуть в лености или недобросовестности Антон их не мог.

У амбаров росли скирды снопов с не обмолоченным зерном, картофельные бурты красиво смотрелись на полях. Несколько раз в Борки приезжал комендант майор Вернер, который вместе с бывшим технологом винзавода Галиной Ивановной Долговой и старостой деревни обследовали цеха, пытаясь найти способ запустить его, не дать пропасть такому обильному урожаю яблок. Уцелело оборудование, были специалисты, было сырье, но все упиралось в электричество: до войны здесь была своя дизельная электростанция, мощности которой хватало не только на завод, но и на деревню. Но перед отступлением ее взорвали, и надежд на скорое восстановление не предвиделось.

Карл Каспарович был доволен работой старосты: уборка урожая шла без нареканий, на его столе лежало несколько списков, составленным Антоном, в которых он самым скрупулезным образом перечислял фамилии семей красноармейцев, еврейских семей, коммунистов, количество скота и птицы по дворам. Отдельно – фамилии молодежи от пятнадцати лет и до двадцати пяти. Да и в самой деревне было спокойно: в отличие от других, в Борках еще не

было ни одного случая грубого обращения с оккупационной властью, и комендант ездил сюда даже без охраны, вместе с водителем. А то мог сам сесть за руль, и неожиданно нагрянуть к своему другу Антону Щербичу. О таком отношении к старосте Вернер в доверительной беседе однажды высказал самому Антону, который гордился этим, и старался принять дорогого гостя самым, что ни на есть, лучшим образом. Для этого в передней избе был даже вывешен портрет фюрера, а за сараем был снесен старый, и построен новый удобный туалет из струганных желтых досок, и в погребе наготове всегда лежали засоленные и разделанные тушки гусей, которые Антон конфисковывал самым наглым образом у односельчан. Комендант обожал жареную гусятину, за что его в Борках называли гусиным Карлом.

Портила дружбу Антона с Вернером мать. Последнее время она не разговаривала с сыном, хотя обед готовила. Рано утром уходила на работу: вместе с бригадой она жала пшеницу на поле у Данилова топила, грузила снопы на телеги, и домой приходила уставшей. Ее хватало только подоить корову, накормить поросенка, курей, и замертво упасть на свою кровать. Ни каких разговоров, ни какого общения с Антоном – как два совершенно чужих человека под одной крышей.

Такие отношения матери с сыном комендант заметил сразу, и не преминул спросить у Антона:

– Какая кошка пробежала между вами, и почему твоя мать работает на ряду со всеми?

– Вот видите эту деревню, улицу, сады? – разговор происходил на лавочке у дома Щербичей. – Все это когда-то было собственностью моего деда Макара Егоровича, и должно было перейти мне по наследству. Но пришли большевики, Советская власть. А они думали иначе, и угробили деда на Соловках, мне показали огромный кукиш. Я решил восстановить справедливость и вернуть принадлежащее мне по праву. А мама этого не хочет, боится, что и я сгину как дед.

– Она не верит, что мы пришли сюда всерьез и надолго? – майор с интересом ждал ответа.

– Если честно – не знаю. Мне такого она не говорила, – староста немножко замешкался. – Просто боится за меня, за мою безопасность. Говорит, что местное население не простит мне этого, не позволит вернуть наследство.

– А почему работает наравне со всеми? Могла бы и сидеть дома, посвятить себя сыну. Чем плоха перспектива?

– Вы меня извините, – Антон смотрел на коменданта с улыбкой. – Но она привыкла быть вместе со всеми. Дома ее не удержишь.

«Как все, так и я» – в этом вся моя мать.

– Правильно. – Вернер говорил, задумчиво глядя куда-то вдаль. – Не только твоя мама, а и вся Россия. «На миру и смерть красна» – такую поговорку мог придумать только ваш народ. Она, видите ли, как все. А о себе не думает. В этом наше отличие. Я слишком хорошо знаю вас. Умение сплотиться – многое значит. Но меня в данный момент волнует совершенно иное, – без всякого перехода задал старосте совершенно неожиданный вопрос. – Почему в Борках слишком спокойная обстановка?

– Не понял. Разве это плохо? – Антон был обескуражен.

– Менястораживает та легкость, с которой жители выполняют все наши распоряжения. В других деревнях такого спокойствия не наблюдается. Везде идет открытое, или в лучшем случае, тайное сопротивление. А у вас его нет. Почему?

– Я не знаю, господин комендант, – за словами Вернера слышалась скрытая угроза, от которой у старосты внутри пробежал холодок, и не спешил покидать его тело.

– А надо знать. Будешь контролировать обстановку, будешь жить, – загадочно закончил Карл Каспарович. – И у господина Шлегель что-то много претензий к тебе, дорогой друг. Съезди к нему, успокой Эдуарда Францевича. Да, чуть не забыл: у моей мамы в Германии

скоро день рождения. Вот, ломаю голову – что бы ей подарить, порадовать старушку. У тебя нет ни каких соображений, Антон Степанович, а то я тут у вас немножко поиздержался?

После отъезда коменданта Антон еще долго сидел на лавочке у дома, восстанавливая в памяти весь сегодняшний разговор с ним.

«Странно, что ему не нравится? – Антона глушила обида. – Работает, не покладая рук, а им еще плохо. Чего тебе надо? Каждый день с утра до позднего вечера на току молотят, как в старину, цепями зерно. Целый обоз уже отвезли в комендатуру, остальное складываем в амбарах. Укрыли соломой бурты картошки в поле, сейчас присыпают хорошим слоем земли. До весны долежит как миленькая. Наладили поставки яблок на фронт: сколотили, сколько смогли, деревянных ящиков, переложили яблоки соломой, и почти каждый день отвозили в комендатуру по полной телеге. Оказывается, это не считается. Надо по другому. Тогда скажите как надо, а нечего подозревать. У других ни лучше, а хуже на много, и это нормально. А у нас спокойно, им плохо. Плохо, что вас не убивают в Борках? Так радоваться надо, что староста работает, держит в руках ситуацию!»

Темнело, когда к Антону подошел Васька Худолей. Последнее время он просто не вылазил с полей, амбаров, садов. Стоило старосте прийти на ток, где молотили зерно, Васька был там, или зайти в сад, как Худолей спешил с докладом. Щербич поражался умению Васьки находиться одновременно во многих местах. Ему оставалось в большей степени контролировать работу помощника, а не бегать за каждым рабочим.

– Так что, докладываю, Антон Степанович, – Васька остался стоять перед начальником. – Обмолот идет к концу, еще два стожка, и все. Я снял две пары коней, и поставил косить сено косилками. Зима скоро, а животину кормить будет нечем, если не успеем до морозов. А так хоть и старая трава, да лошадям пойдет, съедят за милую душу. Да соломки травянистой заготовим, даст Бог, и перезимуют. Вы не будете против? – сам застыл в выжидательной позе, внимательно глядя на Антона, готовый выслушать все, что он скажет.

– Садись, Василий Петрович, – Щербич показал рукой на лавочку рядом с собой. – Поговорить надо. Я хотел идти тебя искать, но на ловца, как говорят, и зверь бежит.

– Слушаю вас, – Худолей присел на краешек, повернулся лицом к начальству.

– Комендант приезжал, недоволен спокойствием в Борках. Говорит, что слишком гладко у нас все. Это то ему и не нравится. Мол, затишье перед бурей. Ты что скажешь, Василий Петрович?

– Да типун ему на язык, Антон Степанович! – Худолей перекрестился. – Еще сглазит, гусиный Карла!

– А сам то что думаешь?

Васька поставил винтовку между ног, обхватил ее руками, нагнулся вперед, почти переломился напополам, ответил не сразу.

– Помните выступление коменданта, когда вас представлял народу?

– Худолей повернулся, пытаясь заглянуть старосте в глаза. – А я помню, и все помнят. Самое главное в его речи – это смерть, смерть, смерть. Кому охота помирать? Это одна причина. А вторая, – полицай замешкался, говорить или нет. Решил – говорить! – Уж больно круто вы, Антон Степанович, взяли за деревню, больно круто! Потому и не ропщут: а куда деваться?

Щербич был приятно удивлен такой оценкой его деятельности со стороны односельчан. Значит, все он делает правильно! От страха до уважения – один шаг!

– Ну-ну! Не такой уж я и страшный, как ты рисуешь. Завтра едем с тобой в Слободу на инструктаж в комендатуру. Вызывают обоих. Сам Вернер сказал.

– А по какому вопросу, если не секрет? Может, подготовиться надо, справки какиенибудь?

– Нет, не говорил. Там все видно будет. Что зря напрягаться? Иди отдыхай.

– Спокойной ночи, Антон Степанович! – Худoley встал, закинул за плечи винтовку, и зашагал на длинных своих ногах в сторону дома.

– Я скажу, чтобы заложили пролетку, вы не против? – уже с дороги спросил он.

– Нет, конечно. Скажи, обязательно скажи, – староста небрежно махнул рукой подчиненному.

Антон долго не мог уснуть: тяжкие, невеселые мысли не выходили из головы.

«Это как надо понимать – у его мамы, видите ли, день рождения, а у меня должна болеть голова? Понравилось козлу чужая капуста, так его не выгонишь из огорода! А этот боровок рыжий, Шлегель этот? С чего это вдруг у него ко мне претензии, чем он недоволен? Да я последний месяц с ним и не встречался, не приходилось. Жадный, сволочь, обиду затаил, вот и недоволен. Вымогает, скотина!»

Перед сном ходил в хлев с фонарем, доставал спрятанные там в металлической коробочке драгоценности, долго ковырялся, перебирал их, стараясь угодить коменданту и его помощнику, и, в то же время, не обидеть себя. Вроде получилось: перстенок и золотая цепочка с кулоном должны были, по мнению Антона, устроить все стороны. Но вот как дать понять, что у него больше ни чего нет, он так и не придумал, хотя душа его вся извелась от таких подачек этим ненасытным немцам.

Утром в комендатуре Щербич первым делом зашел к майору доложить о своем прибытии, а, главное, посоветоваться насчет подарка Эдуарду Францевичу.

– Вот, Карл Каспарович, – Антон разложил на столе золотые изделия. – Перстенок, думаю, будет к душе вашей матушке. А цепочку хочу подарить лейтенанту Шлегель. Отблагодарить его за все хорошее, что он для меня сделал.

Вернер, как и в первый раз, долго рассматривал подарки: подносил близко к глазам, любовался ими на вытянутой руке, даже использовал лупу.

– Ну что ж, – майор закрыл их в сейфе, и обратился к Антону. – Ты прав – матушке понравится. Спасибо. А вот портить моих подчиненных такими безделушками я тебе не рекомендую, понятно?

– А как же Эдуард Францевич? – в недоумении спросил Щербич.

– Да ни как, – просто ответил комендант. – Но смею напомнить на будущее – все вопросы в отношении моих подчиненных только через меня, надеюсь, ты это помнишь?

– Он же меня в порошок сотрет, господин майор! – плаксиво заныл староста.

– Выходит, для тебя важнее мнение какого-то лейтенанта, чем коменданта? – Вернер вышел из-за стола, взял Антона за подбородок. – Ни когда не думал, что мой друг и приятель такой трус. Стыдно, Антон Степанович, стыдно!

Совещание проводилось в классе. Все полицаи, а их было двенадцать человек, сидели за партами, за столом учителя расположился помощник коменданта лейтенант Шлегель.

Сверив присутствующих со своим списком, он долго всматривался в лица подчиненных, как будто видел их впервые.

– Мало вас, – без вступления начал немец. – Почему слабо ведется работа по вовлечению в ряды полиции новых сотрудников? – взгляд его бесцветных глаз остановился на старосте деревни Борки Антон нервно задергался за партой, решая, встать ему или продолжать сидеть. К нему конкретно лейтенант не обратился, значит, можно не вставать.

«Вот оно – началось! Сейчас будет придирается по пустякам, или вообще из-за ничего. Посмотрим, что будет дальше. В крайнем случае, Карлуша спасет».

– Что ты смотришь на меня, как невинная овца? – лицо помощника коменданта покраснело, налилось кровью. – Встать, или ты не понимаешь, кто с тобой разговаривает, не знаешь, как себя надо вести в присутствии офицера доблестной Германской армии?

Щербич резко вскочил, ударив коленями парту снизу, отчего она сдвинулась с места.

– Виноват, господин лейтенант!

– Виноватых бьют, так, по-моему, говорят у вас? – глаза пронизывали старосту насквозь. – Слишком спокойно, гладко, размеренно протекает в Борках жизнь. Как будто и нет войны. Идиллия! У меня сложилось впечатление, что вы вместе с жителями деревни вошли в сговор, и что-то замышляете против оккупационной власти, против армии великого фюрера? Ну, что скажете в оправдание?

Рядом с Антоном вытянулся во весь рост и Вася Худoley. Оба молчали, не зная, что ответить лейтенанту.

– Где списки евреев, где списки коммунистов и красноармейцев? – голос помощника коменданта гремел на всю школу. – Вы ждете, пока они организуются, и ударят в спину доблестной армии-победительнице? А может вы их пособники и мне надо подключить сюда гестапо?

– Г-господин лейтенант! – Щербич в отчаянии пытался что-то сказать в оправдание, отчего начал заикаться, взмок, вспотели даже ладони, и противная дрожь появилась в коленках. – С-списки у коменданта на столе, г-господин лейтенант.

– Что мне ваши списки! – Шлегель разошелся не на шутку. – Почему евреи не в гетто, а разгуливают на свободе, отравляют собой чистый воздух? Где коммунисты и красноармейцы? Почему не сидят еще в подвале комендатуры?

Антон от такой несправедливости готов был расплакаться – ведь ему ни кто о таких заданиях не говорил. Да и как он сможет арестовать всех, и привести в комендатуру? Тут нужна помощь немцев.

– Я, мы, – Антон то стучал себе в грудь, то показывал на Худoley, не зная, куда подевать руки. – Без вашей помощи мы ни как не обойдемся.

– Бездельники! Нахлебники! Только бы водку жрать, да морды наедать! На сутки в гестапо! Там вы сразу поймете силу и мощь великой Германии!

Побледневший, мокрый, дрожащий от страха староста деревни Борки не мог вымолвить ни слова в свою защиту. Спас его зашедший в класс майор Вернер.

– Auschteen! – подал команду «Встать» лейтенант Шлегель. – Schtilgschtange! – вытянулся по стойке «смирно» перед начальством.

– Sitzen sie sich, bitte! – вяло махнул рукой комендант, разрешая всем сесть.

Антон с облегчением вздохнул, с благодарностью глядя на вошедшего Карла Каспаровича.

– Вы все довели подчиненным, Эдуард Францевич? – обратился к своему помощнику комендант. – Моя помощь нужна?

– Нет, господин майор! Осталось обговорить детали. Спасибо.

– Ну, хорошо! Не буду мешать. Вставать не надо, – прежде чем уйти, Вернер обвел глазами полицаев, остановился на Антоне, но ни чего ему не сказал, и молча вышел из класса.

После ухода коменданта Шлегель еще около часа объяснял и рассказывал детали операции по аресту евреев, коммунистов и красноармейцев, после чего распустил полицаев.

– Ты понял меня, господин староста? – на выходе из школы Антона задержал лейтенант. – Твоя жизнь в моих руках.

– Так точно, понял! Я сегодня для вас принес подарок, но господин майор забрал, – Антон решил свести лбами коменданта и его помощника. – Я к вам с большим уважением, а вы на меня так. Обидно.

– А что там было, что ты принес? – Шлегель сторал от любопытства.

– Цепочка золотая с кулоном. Я Карлу Каспаровичу сказал, что она для вас. А он положил ее к себе в сейф.

– Боюсь, что погубит Карлушу жадность, ой, погубит! – желваки заходили на скулах у лейтенанта. – Я больше ждать не буду, Щербич, для тебя организую отдельную камеру в гестапо. Там ты признаешься в похищении Луны и звезды из Большой медведицы! Иди, староста, иди,

и помни, кому ты обязан! Надеюсь, от дедушкиного наследства еще что-то осталось для спасения шкуры его любимого внука?

Перед въездом в Борки, Васька Худолей вдруг решил дойти до дома пешком. Он слез с пролетки, и, не спеша, зашагал в деревню, перекидывая винтовку с одного плеча на другое, а Антон направил коня прямо на конюшню, заодно решил проверить, как идет заготовка сена для лошадей.

На обратной дороге домой он заметил спешащих куда-то местного портного старого еврея Каца со своим семейством. Следом за ними пробежала пятнадцатилетняя дочь сапожника Малкина Варя, и свернула к дому Скворцовых. Антон знал, что там живет ее подруга Ольга. Если бы это было днем раньше, то он не придал бы этому ни какого значения, а, может быть, даже и не заметил. Однако после сегодняшнего инструктажа помощника коменданта беготня евреев по деревне вызвали у него повышенный интерес.

«С чего это они так рано забегали? Как будто кто предупредил. Но ни куда они не денутся, – успокоил себя Антон. – Дальше деревни не убегут».

Потом его мысли опять вернулись к Шлегелю.

«Да это же чистейшей воды грабеж, – негодование старосты не знало предела. – С такими друзьями пока доберешься до цели, за душой у самого ни чего не останется. Называется – они помогают мне вернуть дедушкино наследство. Ни чего себе помощники! Да это грабители, бандиты! Но ладно, я с вами посчитаюсь при первом же удобном случае. За мной это не заржавеет!».

Глава шестая

– А-антон С-степенович! Антон Степанович! – заикаясь от страха, Васька Худолей тормошил за плечи спящего начальника. – Немцы оцепили село. Комендант к себе требует! Срочно!

– Какие немцы? Какой комендант? – сонный Антон не сразу понял своего помощника.

– Говорили, что завтра будет облава, а приехали сегодня. – Васька пытался быстрее ввести в курс дела старосту. – Вернер будет с вами, а Шлегель – со мной. Вы пойдете проверять со стороны гати, а мы – со стороны выгона.

Сытно пообедав, староста решил, было, поспать. Да, видно, не судьба: надо срочно бежать к коменданту, он ждать не любит.

– Спасибо, Василий Петрович!

«Вот и пришел конец спокойной жизни в Борках, как мама и предупреждала» – Антон бежал на край деревни, где его ожидал комендант. Не стал даже себя приводить в порядок дома, а заправлял полицейскую форму уже на ходу.

Улица обезлюдела: все попрятались по домам, только немецкие солдаты по два-три человека прохаживались вдоль нее, настороженно провожая взглядом бегущего полицейского. За огородами ревели машины: деревню взяли в кольцо. Удивительно, но даже собаки не лаяли, а трусливо поджали хвосты по своим конурам и подворотням.

Комендант стоял у крайней деревенской избы колхозного конюха Абрамова, который проживал со своей парализованной женой и двадцатилетней дочерью Феклой. Во двор к ним заехал грузовик прямо через забор, подмяв под себя плетень. Солдаты гонялись за курами, а двое из них уже грузили в кузов зарезанного поросенка.

– Деревня оцеплена. Приступаем, – комендант был немногословен.

– Нас интересуют семьи коммунистов, красноармейцы, и евреи. Веди! – приказал он Антону, и отдал команду солдатам. Четверо немцев с винтовками встали рядом с Вернером.

– Где хозяин? – майор рукой в перчатках держал Феклу за подбородок. – Отвечай быстро!

– М-м-моби. Н-нет его, – девчонка тряслась от испуга, и не могла ни чего вразумительного ответить.

– Ее отца мобилизовали в начале войны, – Антон пришел ей на помощь. – Погнал колхозный скот в эвакуацию. И еще не вернулся. Он работал конюхом.

В передней избе на подушках лежала больная мать. Нездоровый, тяжелый запах гниющего тела сразу ударил в нос. Вернер закрыл лицо носовым платком, и тут же выбежал на улицу.

– Дикари. Так люди не живут. Почему ты указал этот дом в своих списках?

– Так хозяин то ушел с Красной Армией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.